

ВОЙНА И МЫ

ВАЛЕРИЙ ЗАМУЛИН



ПРОХОДРОВКА

**НЕИЗВЕСТНОЕ СРАЖЕНИЕ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

Война и мы

Валерий Замулин

**Прохоровка. Неизвестное
сражение Великой войны**

«Яуза»

2017

УДК 94(47+57)"1943"
ББК 63.3(2)622.12

Замулин В. Н.

Прохоровка. Неизвестное сражение Великой войны /
В. Н. Замулин — «Яуза», 2017 — (Война и мы)

ISBN 978-5-906716-63-7

Почти полвека Прохоровка оставалась одним из главных мифов Великой Отечественной войны – советская пропаганда культивировала легенду о «величайшем танковом сражении», в котором Красная Армия одержала безусловную победу над гитлеровцами. Реальность оказалась гораздо более горькой, чем парадная «генеральская правда». Автор этой книги, ведущий отечественный исследователь Курской битвы, кандидат исторических наук В.Н. Замулин, стал первым, кто, основываясь не на идеологических мифах, а на архивных документах противоборствующих сторон, рассказал о Прохоровском сражении без умолчаний и прикрас – о том, что 12 июля 1943 года на южном фланге Курской дуги имело место не «встречное танковое сражение», как утверждали в своих трудах советские историки и его участники, а самоубийственная лобовая атака на подготовленную оборону противника, о плохой организации контрудара 5-й гвардейской общевойсковой и 5-й гвардейской танковой армий и огромных потерях, понесенных их войсками, о том, какая цена заплачена за триумф Красной Армии на Курской дуге.

УДК 94(47+57)"1943"
ББК 63.3(2)622.12

ISBN 978-5-906716-63-7

© Замулин В. Н., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Обстановка, сложившаяся на курском направлении к июлю 1943 г.	9
Подготовка обороны Воронежского фронта на южном фланге Курского выступа	17
Создание 5-й гвардейской танковой армии	23
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерий Замулин

Прохоровка. Неизвестное сражение Великой войны

От автора

Курская битва стала важнейшим этапом на пути к победе нашего народа в Великой Отечественной войне. Она закрепила стратегическую инициативу в руках командования Красной Армии, окончательно подорвала мощь фашистской Германии. После поражения в июле – августе 1943 г. вермахт был уже не в состоянии провести ни одной стратегической наступательной операции.

Одним из ключевых моментов первого этапа битвы на Огненной дуге стала победа наших войск в боях в районе небольшой железнодорожной станции Прохоровка, вошедших в историю как Прохоровское танковое сражение. К сожалению, как и о большинстве битв и сражений минувшей войны, о событиях под Прохоровкой российский читатель знает лишь из основательно «подчищенной» и «отлакированной», по сути, поверхностной мемуарной и исторической литературы. Неудивительно, что уже более полувека историки спорят и не могут прийти к единому мнению по ряду важных вопросов: когда и на какой территории происходило это сражение, какое количество бронетехники участвовало в нем, каковы потери сторон и т. д. Нет однозначного ответа и на главный вопрос: кто одержал победу под Прохоровкой? Ряд зарубежных исследователей до сих пор утверждают, что победа досталась 2-му танковому корпусу СС, противостоявшему армиям советского Воронежского фронта. Разобраться в этих вопросах было невозможно без изучения первоисточников – боевых документов соединений противоборствующих сторон. К сожалению, если за рубежом хотя и не полностью, но была опубликована часть материалов, то в нашей стране после событий 1943 г. многие годы доступ к фондам Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО РФ), где хранятся документы Красной Армии, был весьма ограничен. И это значительно затрудняло работу исследователей.

Во многом положение изменилось в начале 1990-х. В 1993 г. был снят гриф секретности с большинства оперативных и отчетных документов частей соединений и объединений Красной Армии, принимавших участие в Курской битве. С 1997 по 2002 г. мне довелось работать в ЦАМО РФ, заниматься выявлением и систематизацией источников по Прохоровскому сражению. За это время было изучено более 60 тысяч страниц архивных дел 69,5 и 6-й гв. армий, 5-й гв. и 1-й танковых армий, 2-й воздушной армии, шести стрелковых, восьми танковых, трех воздушных корпусов, 12 стрелковых и воздушно-десантных дивизий, 25 танковых, механизированных, мотострелковых и истребительно-противотанковых бригад, нескольких десятков отдельных частей и подразделений. В результате сформировалась документальная база по истории сражения. Итогом анализа собранного материала стало исследование, которое впервые было опубликовано в 2002 г. в книге «Прохоровка – взгляд через десятилетия»¹. Тем не менее на этом научно-исследовательская работа не завершилась. Появилась возможность ознакомиться с зарубежными и ранее закрытыми источниками, что позволило вернуться к более детальному рассмотрению как ключевых моментов, так и отдельных эпизодов сражения. В результате прежняя работа была значительно дополнена и исправлена.

¹ Прохоровское сражение (Военно-исторический очерк) / Прохоровка – взгляд через десятилетия. Книга Памяти погибших в Прохоровском сражении в 1943 году. Часть вторая. М.: Фонд «Народная Память», 2002.

В предлагаемом исследовании впервые сделана попытка провести всесторонний анализ Прохоровского сражения, определить его место в Курской битве, выстроить ежедневный ход боевых действий, рассказать о трагедии 5-го гв. Сталинградского танкового корпуса, окружение которого 6 июля 1943 г. в значительной степени предопределило выход врага к третьему оборонительному рубежу на прохоровском направлении, а также точнее обозначить территорию, на которой оно проходило. И, наконец, по-новому оценить итоги сражения, их влияние на исход всей оборонительной операции Воронежского фронта.

Изложение хода боевых действий – это основа книги, однако в отличие от ранее вышедших изданий здесь расширены рамки описания событий, которые традиционно относили к сражению. Прежде авторы акцентировали внимание лишь на изучении боя 12 июля 1943 г. на «танковом поле», в данной же книге детально рассматривается оборона войсками 69-й армии генерал-лейтенанта В.Д. Крючёнкина во взаимодействии с соединениями 5-й гв. танковой армии генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова и 5-й гв. армии генерал-лейтенанта А.С. Жадова сорокакилометрового участка тылового оборонительного рубежа в районе станции Прохоровка с 5 по 16 июля 1943 г., прослеживается связь между наступавшим на станцию с юго-запада 2 тк СС 4-й танковой армии и атаковавшим с юга 3 тк армейской группы «Кемпф».

Безусловно, особое внимание читателей привлекут опубликованные в книге данные о количестве танков и самоходных орудий, которые использовались в сражении. Долгое время кочуют по страницам различных изданий легенды о 1500 и даже 2000 танков, столкнувшихся лоб в лоб на поле под Прохоровкой. В этой книге впервые собраны и систематизированы документы армии генерала П.А. Ротмистрова, а также приданных ее командованию в оперативное подчинение корпусов, что позволило с большей долей достоверности определить количество бронетехники, участвовавшей в сражении с нашей стороны, а также потери, понесенные советскими войсками не только в ходе знаменитого боя 12 июля на «танковом поле» (1,5 км юго-западнее станции), но и при локализации прорыва полосы обороны 69А (южнее Прохоровки), а также в сражении в целом, которое длилось с 10 по 16 июля 1943 г.

Всесторонний анализ столь масштабного события войны невозможен без изучения кадрового состава войск. Настоящими творцами победы в Прохоровском сражении являются солдаты и офицеры Красной Армии. Особая ответственность лежала на командном составе. От знаний, опыта, волевых качеств характера этих людей во многом зависел не только исход боев, но, что не менее важно, цена успеха – иначе говоря, уровень потерь. На основе учетно-послужных документов автором составлены детальные характеристики командования бригадного, дивизионного, корпусного и армейского звена наших войск. Не обойден вниманием и уровень подготовки личного состава вражеских соединений.

Для понимания реальных возможностей наших танковых и механизированных соединений летом 1943 г. необходимо знать структуру, тактико-технические характеристики боевых машин, которыми они комплектовались, слабые и сильные стороны «рабочей лошадки» Красной Армии – среднего танка «Т-34-76», а также противостоявшей ему бронетехники врага. Эти сведения приводятся в книге, в том числе воспоминания танкистов, старших офицеров корпусов, данные из отчетов, наградных листов – все это позволит читателю по-иному взглянуть на небывалые по напряженности, кровопролитные танковые бои, развернувшиеся на южном крыле Огненной дуги.

При работе над книгой использован обширный научный материал, значительная часть которого еще не известна широкому кругу читателей и исследователей. Это рассекреченные документы из Центрального архива Министерства обороны РФ, Федеральной службы безопасности России, не публиковавшиеся воспоминания участников сражения, хранящиеся в фондах Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле». Кроме того, с целью более объективного и всестороннего анализа изучены и соответствующие зарубежные издания, в том числе вышедший в ФРГ в 1998 г. сборник боевых документов 2-го

танкового корпуса СС. Обнаруженная в этих источниках информация о сражении также помещена в книге.

Из-за сложности и слабой изученности темы автор считал необходимым включить в исследование частично или в полном объеме приказы, боевые донесения, оперативные сводки, стенограммы переговоров командования Воронежского фронта с руководством армий. Все документы составлены предельно лаконично и носят сугубо служебный характер. Это несколько «утяжеляет» повествование, но в то же время придает достоверность описанию, вносит дополнительные краски в картину сражения, позволяет не только детально разобраться в ходе боевых действий, но и ощутить остроту, а порой и драматизм обстановки, почувствовать напряжение и эмоциональный накал участников событий.

В то же время следует учитывать, что в документы, написанные по горячим следам событий, в отчеты, подготовленные сразу после завершения сражения, может вкратиться техническая неточность или описание боевых действий намеренно искажено, чтобы скрыть собственные ошибки и просчеты. Нередко встречаются документы, в которых командование частей и соединений, порой даже объединений, пытаясь переложить вину за большие потери, за невыполнение приказа на соседа или на вышестоящий штаб, искажало до неузнаваемости боевые эпизоды оборонительной операции. Примеры такого «творчества» приведены в книге. Этим грешили в разной степени обе стороны. Источники, вызывавшие недоверие, как правило, использовались для анализа лишь после проверки. Однако полностью устранить недостатки такого рода вряд ли возможно.

Оборонительную операцию Воронежского фронта летом 1943 г., несмотря на длительный период подготовки и успешное завершение, нельзя назвать образцовой. В ходе ее проведения отмечалось большое число недочетов в управлении войсками и в организации контрударов. Не обошлось и без ошибок при применении танковых армий однородного состава – в то время новой формы организации танковых войск. Плохое взаимодействие между нашими частями и соединениями приводило к неоправданным жертвам, невыполнению поставленных задач. Об этом в книге говорится предельно откровенно. Все эти недостатки отнюдь не умаляют значения нашей победы под Прохоровкой. Несмотря на все сложности, ошибки и упущения, благодаря мужеству и стойкости, во многих случаях жертвенности воинов 5-й гв., 5-й гв. танковой и 69-й армий в ходе сражения был окончательно сорван план врага по разгрому войск Воронежского фронта, тем самым предопределен провал всей летней кампании германской армии.

Основа для этой книги была подготовлена еще в 2002 г., но, прежде чем она обрела законченный вид, потребовалось еще несколько лет кропотливой поисковой и научно-исследовательской работы. В ее проведении большую всестороннюю помощь оказало государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Курский государственный университет». Выражаю искреннюю признательность его руководству за эту поддержку.

История Прохоровского сражения отнюдь не исчерпывается данным исследованием. Это лишь первый шаг на пути к всестороннему и подробному анализу еще не в полной мере изученного события той великой войны. Впереди у будущих историков трудоемкая и очень кропотливая работа. Надеюсь, что моя работа вызовет интерес как у любителей отечественной истории, так и у профессиональных исследователей.

*Июль 2016 г.
Валерий Замулин*

Глава 1

В преддверии перелома

Обстановка, сложившаяся на курском направлении к июлю 1943 г.

Цели и планы сторон (Схема № 1)

Зимняя кампания закончилась в конце марта 1943 г. Войска перешли к обороне, и на советско-германском фронте наступила своеобразная пауза, которую обе стороны стремились использовать для восполнения потерь в личном составе, вооружении и боевой технике.

В ходе зимнего наступления советских войск в районе Курска образовался выступ, глубоко вдававшийся в расположение противника. Такая конфигурация линии советско-германского фронта давала возможность для нанесения мощных ударов по флангам крупных группировок противника в районе Орла и Брянска, а также Белгорода и Харькова с последующим выходом в их тыл. Общее соотношение сил и средств сторон на всем советско-германском фронте к началу апреля сложилось в пользу советских войск, которые превосходили противника в живой силе в 1,1 раза, в танках – в 1,4 раза, в артиллерии – в 1,7 раза, в боевых самолетах – в 2 раза.

Такое превосходство можно было использовать для продолжения наступления на одном из стратегических направлений. Некоторые военачальники и командующие фронтами предлагали упредить противника в переходе в наступление и, используя охватывающее положение советских войск, разгромить его фланговые группировки. Однако Ставка Верховного Главнокомандующего (ВГК), учитывая усталость войск, неукomплектованность соединений и трудности подвоза материально-технических средств в период весенней распутицы, от наступления отказалась. При этом, несомненно, учитывались уроки неудачного исхода Харьковской наступательной операции 1942 г., которая начиналась с барвенковского выступа. Тогда войска Центрального и Воронежского фронтов, глубоко вклинившиеся в оборону противника, сами подвергались опасности ударов со стороны его фланговых группировок.

12 апреля 1943 г. Ставкой ВГК было принято предварительное решение о преднамеренной обороне на курском направлении. Последующие события на фронте показали, что это было наиболее целесообразное решение в сложившейся обстановке.

Гитлеровское командование также стремилось использовать выгодное положение своих войск в районе Курского выступа для проведения крупной наступательной операции, цель которой – овладеть стратегической инициативой и тем самым повернуть ход войны в свою пользу. План генерального наступления на Восточном фронте в 1943 г. прошел длинный и извилистый путь по коридорам высшей государственной власти рейха и военным штабам разного уровня от первых общих намерений к четко сформулированному лаконичным языком приказу на осуществление операции, получившей кодовое название «Цитадель», которая стала для германской армии последней стратегической наступательной операцией Второй мировой войны.

Надо сказать, что с того момента, как встал вопрос о планировании летней кампании 1943 г. вермахта на Восточном фронте (примерно февраль), и вплоть до второй половины июня Гитлер так и не смог окончательно определиться с оптимальным вариантом плана наступления. Точнее, он оказался не в состоянии умерить свои амбиции и соотнести их с возможностями Германии и ее вооруженных сил. Весна 1943 г. в гитлеровской верхушке прошла под знаком споров о дальнейшем ходе войны. Причем с каждым месяцем чувствовалось, что острота Ста-

линградской катастрофы у нацистской верхушки притуплялась и возрастали авантюристические тенденции как в оценке собственного потенциала, так и в возможностях СССР. В этих спорах вопрос о целесообразности наступления на Курск становился ключевым.

В политическом и военном руководстве Германии сформировались две группы, которые имели диаметрально противоположные точки зрения по этому вопросу. Противниками перехода в масштабное наступление были в первую очередь высокопоставленные военные, в том числе генеральный инспектор танковых войск генерал-полковник Г. Гудериан, командующий 4-й танковой армией (4 ТА) генерал-полковник Г. Гот, начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник А. Йодль, к концу весны эту точку зрения разделял и командующий группой армий (ГА) «Юг» фельдмаршал Э. фон Манштейн. Они считали, что вермахт не готов к крупномасштабным наступательным операциям, в том числе и в районе Курского выступа, против окрепшей в боях Красной Армии. Они могут привести к полному истощению ресурсы Германии и обескровить ее вооруженные силы. Кроме того, А. Йодль обращал внимание на опасность открытия англичанами и американцами второго фронта, он считал нецелесообразным использовать собиравшиеся с большим трудом резервы для наступления и предлагал перейти на советско-германском фронте к обороне, а часть сил направить на укрепление побережья Франции и Средиземноморского бассейна.

В первых числах апреля начали поступать данные немецкой разведки, в первую очередь воздушной, которые свидетельствовали, что советские войска в районе Курской дуги создают прочную и глубокую оборону, и наиболее масштабные работы ведутся как раз на направлениях намеченных ударов. Это могло привести к медленному «прогрызанию» обороны и в конечном итоге – срыву всей операции. Однако Гитлер по-прежнему надеялся на пробивную мощь танковых дивизий, получивших на вооружение тяжелые танки и штурмовые орудия (самоходные установки) новой конструкции, а также на модернизированные танки «Т-IV». Расчет строился на создании значительного превосходства над обороняющимися советскими войсками на направлении главного удара и на их быстром разгроме до подхода резервов. Учитывался также опыт боев 1941 и 1942 гг., когда оборона советских войск страдала от сосредоточенных ударов танков и пехоты, поддерживаемых авиацией. Тем более что задачи ударных группировок были значительно скромнее, чем в предыдущих операциях. Вместе с тем очень важное влияние на точку зрения фюрера имел политический аспект будущей операции.

12 апреля 1943 г. на стол Гитлеру лег готовый проект плана операции, который в этот день был им и утвержден. А через три дня, 15 апреля, он был воплощен в оперативном приказ № 6, излагавшем как цели и задачи летней кампании на Востоке, так и принципиальный алгоритм действий групп армий «Юг» и «Центр». Суть операции, получившей название «Цитадель», состояла в том, чтобы двумя встречными концентрическими ударами из районов Орла и Белгорода в направлении Курска рассечь оборону двух советских фронтов – Воронежского (генерал армии Н.Ф. Ватутин) и Центрального (генерал армии К.К. Рокоссовский) и окружить их войска. Автором этой идеи выступил командующий 9-й армией (А) генерал В. Модель. Операция планировалась как «единый бросок», обеспечивающий быстрый и решительный успех, для чего войскам, наступающим с севера и юга, ставилась задача на четвертый день наступления соединиться восточнее города и замкнуть кольцо окружения. Флангам ударных группировок с востока необходимо было как можно быстрее создать внешний фронт окружения по линии р. Короча, Скородное, Тим, имея в своем тылу важную рокадную железную дорогу Белгород – Курск – Орел. Для прикрытия наступления с запада планировалось использовать часть сил, которые одновременно должны были нанести удар по окружаемым основным силам советских войск. В случае планомерного развития операции предусматривалось нанесение удара в тыл войскам Юго-Западного фронта. Вот отрывок из этого документа:

«Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» – первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно

должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира.

3. ГА «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород-Томаровка, прорывает фронт на рубеже Прилепы – Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей армией группы армий «Центр». Для обеспечения прикрытия наступления с востока как можно быстрее достичь рубежа Нежега – р. Короча – Скородное – Тим, однако при этом не допустить ослабления массирования сил на направлении Прилепы, Обоянь. Для прикрытия наступления с запада использовать часть сил, которым одновременно поставить задачу нанести удар по окружаемой группировке противника.

4. ГА «Центр» наносит массированный удар наступающей армией с рубежа Тросна – района севернее Малоархангельска, прорывает фронт на участке Фатеж, Веретиново, сосредоточивая основные усилия на своем восточном фланге, а соединяется с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее. Для прикрытия наступающей группировки с востока необходимо в кратчайший срок достигнуть рубежа Тим – восточнее Щигр – р. Сосна, не допустив при этом ослабления сил на направлении главного удара. Для прикрытия наступающей группировки с запада использовать часть имеющихся сил.

Части ГА «Центр», введенные в бой на участке западнее р. Тросна до разграничительной линии с ГА «Юг», имеют задачу с началом наступления сковать противника путем проведения местных атак специально созданными ударными группами и своевременно нанести удары по окружаемой группировке противника. Непрерывным наблюдением и воздушной разведкой обеспечить своевременное вскрытие отхода противника. В этом случае следует немедленно перейти в наступление по всему фронту».²

Для проведения «Цитадели» из имевшихся на Восточном фронте 12 армий и 5 оперативных групп предполагалось привлечь три армии (4ТА, 2 и 9 А) и одну оперативную группу – АГ «Кемпф». Наступление планировалось проводить на довольно узких участках, которые в общей сложности составляли менее 14 % от всего советско-германского фронта.

Из двух группировок ГА «Юг» была основной, перед ней ставились более сложные и масштабные задачи. До предполагавшегося рубежа встречи в районе Курска войскам фельдмаршала Г. фон Клюге предстояло пройти примерно 75 км, а Э. фон Манштейна – почти в два раза больше – 125. Поэтому непосредственно для прорыва советской обороны в ее полосе выделялось несколько больше сил – 9 танковых и моторизованных дивизий против 7 ГА «Центр». И, что немаловажно, ее должны были усилить новыми образцами танков.

ГА «Юг» состояла из 4ТА генерал-полковника Г. Гота и армейской группы генерала танковых войск В. Кемпфа³, обозначавшаяся его фамилией – АГ «Кемпф». Оба объединения рас-

² Курская битва (под редакцией И.В. Породько). М.: Наука, 1970. С. 520, 521.

³ Вернер Кемпф, генерал танковых войск. Родился 9.3.1886 г. в Кенигсберге. Как офицер участвовал в Первой мировой войне, последнее звание – капитан. В межвоенный период служил на штабных должностях, в том числе и в инспекции моторизованных частей. После получения 1.04.1935 г. звания полковник был назначен командиром 4-й танковой бригады. В начале 1939 г. ему присваивается первый генеральский чин – генерал-майор, он становится командиром дивизии «Кемпф» (впоследствии преобразованная в 10-ю танковую), а 1.10.1939 г. – командиром 6-й танковой дивизии (тд). 31.07.1940 г. ему присвоено звание генерал-лейтенант, а 1.04.1941 г. – генерал танковых войск. 6.01.1941 г. – вступил в командование 48-го тк, участвовал в боях на советско-германском фронте. В период подготовки и проведения операции «Цитадель» командовал АГ «Кемпф», в середине августа 1943 г. в ходе боев за Харьков снят Гитлером с этой должности и переведен командующим войсками вермахта в восточно-европейских странах (в составе ГА «Север»). Награждался «Рыцарским Крестом» (1940) и «Дубовыми листьями» (1942). Умер в Западной Германии в 1964 г.

полагали в общей сложности 11 пехотными, 9 танковыми и моторизованными дивизиями. К концу апреля армия Гота имела следующие соединения: 52-й армейский корпус (ак) (57, 167, 255 и 322-я пехотные дивизии (пд), 2 танковый корпус (тк) СС (моторизованные дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас райх» и «Мертвая голова»⁴) и 48 тк (мд «Великая Германия» и 11 тд). Через некоторое время в ее состав из 1 ТА была передана 3 тд, которая в конце июня будет подчинена 48 тк. АГ «Кемпф» являлась более слабым объединением, чем армия Гота, хотя тоже располагала тремя корпусами: 42 ак, 11 ак и 3 тк. Последний, вместо переданной в 48 тк мд «Великая Германия», получил 19 тд.

Кроме того, в ГА «Юг» входил 4-й воздушный флот (ВФ) под командованием генерала зенитной артиллерии Отто Десслоха. Ему подчинялись 1, 4 и 8-й авиакорпуса (авк). Последний в ходе наступления на Курск был нацелен специально для поддержки 4 ТА и АГ «Кемпф». Командовал этим соединением генерал авиации Ганс фон Зайдеман, сменивший весной 1943 г. на этом посту любимца Гитлера генерала фон Рихтгофена. К началу боев 8 авк имел в своем составе 1556 самолетов, из которых 1200 находились в строю⁵.

Как уже отмечалось, генерал-полковник Г. Гот⁶ не верил, что вермахт в состоянии окружить войска двух советских фронтов. Но, не имея возможности кардинально повлиять на это решение, настойчиво старался отстоять наиболее реальную, по его мнению, задачу своей армии в этой операции: уничтожение резервов РККА. Он считал, что советское командование уже к маю сумело накопить большие силы – подготовило до 10 танковых соединений. Поэтому добивался, чтобы эта цель была признана командование группы первостепенной, хотя бы на первом этапе «Цитадели», и включена в процесс оперативного планирования. Он искал удобного случая, чтобы обстоятельно обсудить эту проблему с фельдмаршалом, и такая встреча состоялась 10–11 мая в штабе 4 ТА в г. Богодухов на Украине.

В ходе обсуждения Гот добился от Манштейна согласия существенно скорректировать прежний вариант плана наступления армии. Во-первых, была перенесена линия разграничения между 4ТА и АГ «Кемпф». Во-вторых, существенно усилен 48 тк. До этого момента планировалось, что 48 тк и 2 тк СС будут наступать от Белгорода на Обоянь по прямой линии через р. Псёл, не отклоняясь на восток в направлении ст. Прохоровка. А 3 тк АГ «Кемпф» должен был прикрывать правый фланг корпуса СС, создавая внутренний фронт окружения, и в ходе наступления овладеть этой железнодорожной станцией и прилегающим к ней районом.

⁴ Далее при сокращениях: «ЛАГ», «Р» и «МГ».

⁵ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 239, 240.

⁶ *Герман Гот* родился 12.04.1885 г. в Нойруппене. В 19 лет поступил на службу в кайзеровскую армию и через год, в 1905 г., получил первое офицерское звание – лейтенант. Участвовал в Первой мировой войне, после ее окончания остался служить в пехоте. 1.02.1932 г. получил звание полковника и сначала командовал 17-м пехотным полком, затем был военным комендантом г. Любек. Заметный карьерный рост начался после прихода к власти нацистов. В октябре 1934 г. получает первый генеральский чин и назначается командиром 18 пд. Через два года, 1.10.1936 г., ему присваивается звание генерал-лейтенанта, а в ноябре 1938 г. – генерала пехоты, и он вступает в командование 15 ак. В этой должности он участвовал в своей первой компании Второй мировой войны – захвате Польши. Его соединение, подчинявшееся 10 А, сумело разбить польские войска и овладеть Варшавой, за что получил от Гитлера «Рыцарский крест». Затем его корпус участвовал в оккупации Францией. При нападении Германии на СССР генерал-полковник Г. Гот командовал 3-й танковой группой (тгр) (впоследствии ставшей 3-й танковой армией) ГА «Центр». Уже 28.06.1941 г. его войска вошли в Минск и продолжили успешно наступать на Полоцк. За окружение под Смоленском значительных сил РККА был награжден «Дубовыми листьями». В октябре 1941 г. он переведен на должность командующего 17 А, а с 1.06.1942 г. – командующий 4ТА. В ходе Сталинградской битвы часть ее сил вместе с группировкой Паулюса попали в окружение. В ходе Курской битвы армия Гота являлась ударным объединением ГА «Юг», но успеха не имела. За бои на Украине 15.09.1943 г. награжден «Скращенными мечами», а через две недели, 30 сентября, отправлен Гитлером в отставку. Ряд западных исследователей относят его к группе таких, бесспорно талантливых, танковых генералов вермахта как Гудериан и Роммель. Это был жесткий и целеустремленный военачальник. Он обладал способностью трезво оценивать оперативную обстановку, настойчиво отстаивать перед вышестоящим командованием свои взгляды на ведение боевых действий, а затем последовательно воплощать свой замысел в жизнь. В то же время он допускал ряд серьезных просчетов. На Нюрнбергском процессе Гот был обвинен в военных преступлениях и осужден на 15 лет. Досрочно освобожден союзниками в апреле 1954 г. Умер в Западной Германии в 1970 г.

Теперь же, после настойчивой просьбы Гота, район западнее и северо-восточнее Прохоровки передали от АГ «Кемпф» 4 ТА. Уже 31 мая этот момент нашел свое отражение в приказе командира 2 тк СС обергруппенфюрера П. Хауссера по корпусу. В нем он впервые указал, что, помимо прорыва второй полосы русских, 2 тк СС должен нанести главный удар *«восточнее Псёла, по направлению на Прохоровку»*⁷.

Суть всех этих изменений заключалась в том, что Гот рассчитывал к 7–9 июля провести в районе Прохоровки решающее сражение с советскими резервами, результаты которого должны были предопределить дальнейшую судьбу «Цитадели». При этом он надеялся, что, даже если затем придется свернуть операцию, все равно немцы будут в выигрыше. Его расчет строился на следующем. Начальник штаба 4 ТА генерал Ф. Фангор вспоминал:

«Гот пришел к выводу о том, что, возможно, русские осведомлены о наших планах и именно поэтому они переместили свои стратегические резервы на восток, чтобы держать их в боевой готовности.

На основании этой оценки генерал Гот решил, что приказ о наступлении прямо на север вдоль прямой трассы через Обоянь не следует понимать буквально. По мнению Гота, местность и расположение противника существенно препятствовали бы такому продвижению. В районе 20 км на юг от Обояни местность отлого спускалась в направлении севера-востока и севера к р. Псёл. И постепенно поднималась снова на другом ее берегу, давая возможность отличного обзора для русских. Местность, пересекаемая р. Псёл вокруг Обояни, была слишком узкой из-за большого количества водоемов, а направление течения реки не давало возможности обойти их. Любая русская дивизия, отброшенная от Белгорода, тем не менее могла удержаться на новом естественном рубеже обороны за р. Псёл, по обеим сторонам Обояни и на юге-востоке от города и нанести наступающим большой урон.

Генерал Гот понимал, что советский стратегический резерв включает несколько танковых корпусов, быстро вступит в бой, протискиваясь через узкий проход между реками Донец и Псёл в районе Прохоровки (около 15 км на северо-восток от Белгорода). Если передовые части 4ТА вступят в тяжелый бой с ними в районе, пересекаемом р. Псёл около Обояни, то русские танки могут нанести сильный удар по нашему правому флангу и иметь успех, именно из-за того, что наши танковые дивизии будут ограничены в маневре рекой Псёл. Так как эта ситуация могла быстро обернуться катастрофой, Гот понимал, что столкновение с советским бронетанковым резервом около Прохоровки необходимо запланировать до начала наступления непосредственно на Курск. Он считал жизненно важным ввести в такое сражение самое мощное из имеющихся соединений, с тем чтобы мы могли сначала вынудить противника вступить с нами в бой на выбранной нами территории, не пересеченной р. Псёл, на которой наши танковые дивизии могли бы использовать в полной мере свою превосходящую мобильность и силу. Следовательно, после прорыва рубежа обороны противника 2-й танковый корпус СС не должен продвигаться прямо на север вдоль р. Псёл, а резко повернуть на северо-восток к Прохоровке для уничтожения танковых сил русских, которые мы надеялись застать именно там. Преимущество такого маневра состояло в том, что он приближал нас к 3-му танковому корпусу, армейской группе Кемпфа и повышал возможность координации сил на внутренних флангах корпусов в этом районе боевых действий. Этот план требовал от генерала Гота так же изменить задачи 48 тк, которому предстояло действовать на левом фланге. Сразу же после прорыва по обеим сторонам Черкасского корпуса не должен был быстро продвигаться на север к р. Псёл, но и, не отставая, идти рядом со 2 тк СС по мере того, как он будет поворачивать на северо-восток. Такой маневр прикроет фланг корпуса обергруппенфюрера Хауссера по мере его продвижения к решающему сражению и потенциально обеспечит дополнительное усиление в бою. Конечно, пока мы не могли определить,

⁷ Ньютон С. Указ. соч. С. 458.

каким образом 48 тк будет задействован у Прохоровки, но ни в коем случае мы не планировали вводить в бой соединение генерала фон Кнобельсдорфа западнее этого населенного пункта. Невозможно было подготовить дальнейший план боевых действий после победы под Прохоровкой, но в результате такого успеха мы находились бы в водоразделе между реками Оскол, Донец, Псёл и Сейм, откуда мы могли вести наступление в любом направлении.

Генерал Гот также обратил внимание фельдмаршала фон Манштейна на тот факт, что прорыв через оборонительную систему русских будет сложным, дорогостоящим и потребует много времени. Он не надеялся, что 4ТА получит свободу действий, пока мы не прорвем оборонительный рубеж Тетеревино – Новенькое, приблизительно в 27–30 км на юго-восток от Обояни, где был размещен третий и последний советский оборонительный рубеж»⁸.

Таким образом, согласившись с идеями Гота, Манштейн тоже пришел к выводу, что одним из кульминационных моментов первого этапа будущей битвы должны были стать события у Прохоровки.

Второе решение оказалось не менее важным. Генерал-полковник не верил, что 2 А ГА «Центр», располагавшаяся на левом фланге ГА «Юг», будет в состоянии оттянуть на себя советские войска, если они в ходе продвижения его армии к Курску, попытаются ударить по правому флангу 48 тк, протяженность которого наверняка значительно увеличится. Вероятно, с этой целью, по его данным, южнее Курска русские уже накапливают значительные резервы. Эти опасения заставили Манштейна согласиться с Готом и передать именно 48 тк новое мощное танковое соединение – 10-ю танковую бригаду «пантер» (10 тбр).

27 июня был принят еще ряд важных вопросов, касавшихся предстоящих событий у Прохоровки. По сути, именно в этот день генерал-полковник Г. Гот окончательно согласовал план действий 4ТА на первом этапе с руководством ГА «Юг» и поставил окончательные тактические задачи командованию двух корпусов. Для решения главной задачи первого этапа операции – уничтожения советских подвижных резервов у ст. Прохоровка – было решено использовать 2 тк СС. В ходе движения к станции его правый фланг должна была прикрыть наступавшая с юга 6 тд 3 тк АГ «Кемпф», а левое крыло – мд «Великая Германия» 48 тк. Гот рассчитывал, что решающее сражение начнется в период с 7 по 9 июля. Ожидалось, что к этому моменту 48 тк успеет форсировать р. Псёл южнее Обояни и, выставив заслон, повернет часть своих бронетанковых сил, предполагалось частично 10 тбр, на помощь 2 тк СС для борьбы с русскими танками. Подчеркну, что Гот ожидал подход значительных сил Красной Армии, поэтому в сражении у Прохоровки должны были непременно участвовать и войска 48 тк и АГ «Кемпф». Однако генерал В. Кемпф не располагал столь значительными силами, как Гот, и только очень большой оптимист мог ожидать, что его группа сумеет с той же скоростью продвигаться вперед, как и войска 4ТА.

Окончательную задачу, стоявшую перед наиболее мощным соединением, участвовавшим в Курской битве, 4 ТА, формально закрепили в приказе № 6. Г. Гот подписал этот документ на следующий день, 28 июня 1943 г.:

«2. 4-я танковая армия переходит в наступление «Цитадель» для окружения и уничтожения противника на Курской дуге. Для этого в день «Х» (5 июля 1943 г.) танковая армия в соответствии с планом прорывает первую позицию противника на участке высот северо-западнее Белгорода, Коровино, предварительно захватив высоты по обе стороны Бутово и южнее Герцовки войсками 48-го танкового корпуса в день «Х-1» (4 июля 1943 г.), во второй половине дня.

Армия быстро сокращает всякое сопротивление на второй позиции обороны противника, уничтожает брошенные против нее танковые силы и затем наносит удар в направлении на Курск и восточнее, обходя Обоянь с востока. Операция обеспечивается с востока наступле-

⁸ Newton S. Kursk. The german view. DA CARO PRESS. A Member of the Perseus Books Group, 2000. P. 71–73

нием оперативной группы Кемпфа. Для осуществления этого группа наступает левым флангом (6-я танковая дивизия) из Белгорода через Сабынино в направлении на Прохоровку»⁹.

Следовательно, задача по прорыву к Прохоровке ставилась «не с колес» – исходя из текущей оперативной обстановки, как принято считать в советской исторической литературе, а была поставлена перед двумя соединениями группы армий «Юг»: оперативной группой «Кемпф» и корпусом СС еще на стадии подготовки операции «Цитадель».

Чтобы создать такие мощные группировки в районе Курского выступа, восстановить боевой потенциал их танковых дивизий после зимних боев, оснастить их большим количеством новых танков и тщательно подготовить операцию, командованию вермахта пришлось пойти на беспрецедентный трехмесячный перерыв в военных действиях. Дело в том, что основу ударных группировок должны были составить танковые дивизии, оснащенные модернизированными и новыми танками «Тигр», «Пантера» и штурмовыми орудиями. Между тем производство еще не было должным образом отлажено, и поставка их в войска задерживалась. В связи с этим Гитлер несколько раз переносил сроки начала операции.

Руководство вермахта принимало усиленные меры по маскировке и сохранению в тайне подготовки к операции. Для введения советского командования в заблуждение относительно направления главного удара в операции в ГА «Юг» проводились специальные мероприятия: демонстративные рекогносцировки и выдвижение танков, сосредоточение переправочных средств, радиопереговоры, действия агентуры, распространение слухов и т. п.¹⁰

Однако замысел противника был своевременно раскрыт. Не удался и расчет гитлеровского командования на внезапность, из-за чего оно добилось успехов в летних операциях 1941 и 1942 гг. Этому в немалой степени способствовали неоднократные отсрочки с началом наступления и хорошая работа советской разведки. Советское командование максимально использовало трехмесячное относительное затишье в боях и сумело создать прочную, глубоко эшелонированную оборону, способную выдержать массированный удар танков. Окончательное же решение о переходе к преднамеренной обороне на курском направлении было принято в июне.

Замыслом Ставки Верховного Главнокомандования предусматривалось сосредоточение основных усилий севернее и южнее Курска, где должны были развернуться главные события. Основные силы Центрального и Воронежского фронтов, отразив удар противника и измотав его в оборонительных боях, должны были перейти в контрнаступление, завершить разгром противостоящих группировок и создать условия для перехода в общее наступление.

Центральный фронт под командованием генерала армии К.К. Рокоссовского получил задачу оборонять северную часть Курского выступа протяженностью 306 км, отразить наступление противника, а затем, перейдя в контрнаступление совместно с войсками Западного и Брянского фронтов, разгромить его группировку в районе Орла.

Воронежский фронт генерала армии Н.Ф. Ватутина¹¹ должен был оборонять южную часть Курского выступа протяженностью 244 км, измотать и обескровить врага, после чего перейти

⁹ Курская битва / под ред. И.В. Пароткина М.: Наука, 1970. С. 516

¹⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. М., 1967. С. 504, 505.

¹¹ Николай Федорович Ватутин, генерала армии (1943). Родился 16.12.1901 г. в с. Чепухино Валуйского р-на Курской (ныне Белгородской) области в многодетной семье крестьянина-середняка (9 детей). Для своего социального положение получил хорошее образование. В 1913 г. окончил 5 кл. сельской школы, затем 2 кл. земского училища в г. Валуйках и 3 кл. коммерческого училища в г. Уразово. До 1917 г. жил в семье отца и занимался сельским хозяйством. В РККА призван по мобилизации в апреле 1920 г. В 1920–1921 г. в качестве красноармейца участвовал в боях против банд Махно и атамана Бельянского на территории Луганской, Полтавской и Харьковской областей. Окончил Полтавскую пехотную школу (1922), Киевскую высшую объединенную военную школу (1924) и Военную академию им. Фрунзе (1929). Командовал отделением, взводом и ротой. С июня 1929 г. – на штабной работе, служил: помощником начальника оперативного отделения 7 сд (г. Чернигов), помощником начальника оперотдела штаба Северо-Кавказского ВО (г. Ростов), начштаба 28 горной стрелковой дивизии (г. Орджоникидзе), начальником оперотдела штаба СибВО (г. Новосибирск). После окончания Академии Генштаба в июле 1937 г. назначен зам. начштаба Киевского Особого военного округа, а с ноября 1938 – начштаба КОВО (г. Киев). 26.7.1940–

в контрнаступление и во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта завершить его разгром в районе Белгорода и Харькова.

В тылу обоих фронтов разворачивались войска Степного военного округа (с 9 июля 1943 г. – фронта) с задачей не допустить дальнейшего продвижения противника в случае прорыва его в полосе действий Центрального и Воронежского фронтов. Однако основное предназначение Степного фронта состояло в том, чтобы, отразив наступление врага, решать наступательные задачи.

Таким образом, обе стороны в первой летней операции 1943 г. ставили перед собой решительные цели по разгрому противостоящего противника. Однако советское командование на первых порах сознательно отдавало инициативу противнику, чтобы использовать выгоды преднамеренной и хорошо подготовленной обороны, выбить его танки, а затем, введя свежие резервы, завершить разгром наступающих группировок. При невыгодном для него общем соотношении сил и средств Гитлер все же принял решение наступать, что с военной точки зрения было в определенной степени авантюрой. Несомненно, здесь сказалось и то обстоятельство, что немецкая разведка так и не смогла выявить сосредоточение десяти советских армий в составе Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, которые приняли участие в Курской битве¹². Однако Гитлер уже не мог отказаться от перехода в наступление, так как для него проведение операции «Цитадель» было обусловлено не только военными, но и политическими соображениями.

В целом в районе предстоящей операции соотношение в силах и средствах сложилось далеко не в пользу противника, особенно с учетом сил Степного военного округа (с 9 июля 1943 г. – Степной фронт)¹³ (см. табл. 1).

Впрочем, эти цифры, характеризующие соотношение сил и средств сторон, противостоящих друг другу на Курской дуге, стали известны значительно позже, когда были изучены трофейные документы Третьего рейха и рассекречены военные архивы сторон. А в рассматриваемый период само решение советского командования перейти к преднамеренной обороне содержало известную долю риска: в предыдущие два года войны оборона наших войск не выдерживала массированных ударов танковых группировок куда меньшего состава.

13.02.1941 – зам. начальника Генштаба и одновременно начальник оперативного управления. С 13.02.1941 по 30.6.1941 г. первый заместитель начальника Генштаба по опервопросам и устройству тыла. 30.6.1941 г. – начальник штаба Северо-Западного фронта. В середине июля 1942 г. по личной просьбе и при поддержке А.М. Василевского был назначен командующим Воронежским фронтом, затем переведен на Юго-Западный. Этот фронт под его руководством успешно действовал в Сталинградской битве, за что 7.12.1942 г. получил воинское звание генерал-полковника, а 12.02.1943 г. – генерала армии и награжден орденом Суворова I ст. 28.03.1943 г. он вновь вступает в командование Воронежского фронта. Н.Ф. Ватутин был одним из наиболее подготовленных и перспективных генералов из когорты командующих фронтами. Характерной особенностью его стиля руководства были глубокая проработка операции, активность и умение организовать мощные танковые удары вглубь обороны противника, целеустремленность. Генерал обладал спокойным, уравновешенным характером. Как вспоминали Н.С. Хрущев и К.С. Москаленко, он отличался уважительным отношением к подчиненным, в работе стремился дать возможность раскрыться им, проявить инициативу. Однако с И. В. Сталиным у него были сложные отношения. Верховный не раз, справедливо, указывал на ошибки в управлении фронтом высказывал недовольство его методами руководства. В частности, есть данные, что он очень жестко критиковал его действия в феврале-марте 1943 г. на Юго-Западном фронте, в ходе отражения удара вермахта на Курск в июле 1943 г., операции «Полководец Румянецв», а также в Корсунь – Шевченковской операции. Хотя за Курскую битву он, как и другие командующие фронтами, был награжден орденом Кутузова I ст. Однако, несмотря на то что с середины 1942 г. Н.Ф. Ватутин руководил рядом фронтов на важных направлениях, участвовал в крупнейших битвах войны, вплоть до трагической гибели он не был удостоен ни высшего воинского звания Маршал Советского Союза, ни Золотой Звезды Героя Советского Союза. Умер 15.04.1944 г. в киевском госпитале от ран, полученных 29.02.1944 г. в ходе боя с украинскими националистами в полосе 60А.

¹² Великая Отечественная война 1941–1945. Перелом. Т. 2. М.: Наука, 1998. С. 257.

¹³ Там же. С. 260.

Подготовка обороны Воронежского фронта на южном фланге Курского выступа

Командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин считал, что противник может нанести удары одновременно на трех направлениях: из района Белгорода на Обоянь, от Белгорода на Корочу и Волчанск, Новый Оскол. Исходя из этого, он решил сосредоточить основные усилия на 164 км участке левого крыла фронта. В первом эшелоне оборонялись 38, 40, 6 гв. и 7 гв. А; во втором – 1-я танковая и 69-я армии; в резерве – два отдельных танковых и один стрелковый корпус. К началу немецкого наступления на Курском плацдарме в каждой армии первого эшелона было оборудовано три полосы обороны общей глубиной 30–50 км: главная (протяженностью 244 км), вторая (235 км) и третья, тыловая (250 км). Они перехватывали возможные направления ударов противника. Кроме того, были оборудованы три фронтовых оборонительных рубежа на глубину 180–200 км. Восточнее Курского выступа на рубеже р. Кшень войсками Степного военного округа был подготовлен первый стратегический рубеж, а по левому берегу р. Дон – государственный рубеж обороны. На важнейших направлениях рубежи занимались войсками.

При выборе начертания и взаимного расположения рубежей прежде всего учитывали наличие естественных танконедоступных преград (долин мелких рек, оврагов и т. п.), которые в сочетании с инженерными заграждениями и огнем противотанковых средств могли остановить или задержать продвижение вражеских танков. Стремление использовать относительную танконедоступность р. Псел привело к решению оттянуть тыловой армейский рубеж на глубину до 20 км от переднего края второй оборонительной полосы.

Станция Прохоровка¹⁴, возле которой разыгралось встречное танковое сражение, располагалась как бы на краю тылового (армейского) рубежа. Передний край этой полосы обороны на прохоровском направлении проходил на участке (иск.) Богородицкое, Тетеревино, Жимолостное, Новоселовка, Выползовка, Мазикино. От станции Прохоровка он располагался на расстоянии: на участке Богородицкое, Тетеревино – 12 км, Жимолостное, Новоселовка – 9 км и от Выползовка – 18 км.

Весной – летом 1943 г. Прохоровка являлась станцией снабжения 6 гв. А. На ее окраинах был оборудован крупный полевой армейский артиллерийский склад № 1383 (командир – майор Агафонов), а также построено два аэродрома для 2-й воздушной армии (ВА) – действующий и ложный. На действующем в х. Грушки до начала Курской битвы базировался 27-й истребительный авиаполк (командир – подполковник В.И. Бобров). Вблизи сев. – вост. окраины в лесозащитной полосе действовал КП 2ВА, который с приближением линии фронта в целях безопасности был переведен в другое место. С 11 июля по 2 августа 1943 г. в селе Скоровка (8 км вост. Прохоровки) располагался первый эшелон штаба 5-й гв. танковой армии.

На случай вклинения или прорыва главной полосы обороны оборудовались отсечные и промежуточные позиции (общей протяженностью 134 км) и промежуточный рубеж, занимаемый 35-м гв. стрелковым корпусом (ск) (86 км), а также фронтовой отсечный рубеж (125 км).

¹⁴ Прохоровка – станция Юго-Восточной железной дороги, расположенная на участке между городами Белгород и Курск, была основана в 1868 г. Полотно дороги проходило через с. Александровское, которое с 1928 г. являлось административным центром Прохоровского района Курской области. В течение ста лет населенный пункт и станция, расположенная в нем, назывались по-разному. В 1968 г. рабочий поселок городского типа Александровский был переименован в Прохоровку. До конца 1950-х гг. в 12 км юго-зап. станции на левом берегу р. Псел было расположено село, также именовавшееся Прохоровкой, или Юдинкой. Проходившие в июле 1943 г. на территории Прохоровского, а также прилегающих к нему Корочанского, Ивнянского, Беленихинского и Сажновского районов боевые действия вошли в историю Великой Отечественной войны как Прохоровское сражение. В 1954 г. Прохоровский район был включен в состав Белгородской области. После реорганизации в начале 1960-х г. территория Беленихинского района полностью вошла в состав Прохоровского, а Сажновского – разделена между несколькими районами, в том числе и Прохоровским. Ему также была передана часть Ивнянского района.

Обращает на себя внимание отсутствие подготовленных отсечных рубежей в полосах обороны 7-й гв. и 69-й армий к югу от станции Прохоровка. Этим не преминул воспользоваться Манштейн: после прорыва главной полосы обороны 7-й гв. армии на корочанском направлении он повернул основные силы АГ «Кемпф» на север, вдоль оборонительных рубежей, и начал «смаывать» оборону советских войск.

Первые две полосы обороны составляли тактическую зону обороны, причем основой ее являлась главная полоса обороны, куда выделялась большая часть сил и средств дивизий (корпусов) армий первого эшелона. Она имела наиболее развитую систему траншей, ходов сообщения, огневых позиций и других инженерных сооружений. Впервые за годы войны глубина тактической зоны обороны составила 15–20 км.

Главная полоса обороны представляла собой батальонные районы обороны (2–2,5 км по фронту и до 1 км в глубину). Два-три таких района, расположенных в один или два эшелона, были сведены в полковые участки (4–5 км по фронту и 3–4 км в глубину). Три участка стрелковых полков составляли полосу обороны дивизии.

Для отражения ударов танков и мотопехоты использовалась широко развитая система инженерных заграждений: противотанковые рвы, надолбы, простые и управляемые минные поля.

Особое значение при подготовке обороны придавалось оборудованию траншей полного профиля, соединенных между собой ходами сообщения. Они служили укрытием от огня артиллерии и ударов авиации противника, обеспечивали быстрый и скрытный маневр по фронту и из глубины и затрудняли врагу вскрытие системы огня. На некоторых направлениях (например, на участке 22 гв. ск 6 гв. А) траншеи были сделаны в четыре линии. В среднем вторая линия траншей в зависимости от рельефа проходила на расстоянии 150–200 м от первой. Расстояние между второй и третьей траншеями равнялось 200–250 м, а между третьей и четвертой – 150–200 м. Таким образом, сетка траншей охватывала всю глубину ротных и батальонных районов обороны. В системе траншей стрелковых подразделений оборудовались укрытия: щели, ниши, подбрустверные блиндажи. В среднем каждая стрелковая дивизия, оборонявшаяся в главной полосе, имела до 70 км траншей и ходов сообщения.

Как правило, первая линия траншей занималась автоматчиками и истребителями танков. Основная масса сооружений для станковых пулеметов, в частности дзоты (дерево-земляные огневые точки), находилась во второй линии. На участке 52 гв. сд 23 ск 6 гв. А, имевшей три, а в некоторых случаях и две линии траншей, большое развитие получили выносные огневые позиции для станковых пулеметов, располагавшиеся перед первой линией траншей на расстоянии в среднем 100–150 м. Эти огневые позиции представляли собой открытые пулеметные окопы, хорошо замаскированные от воздушного и наземного наблюдения и имевшие в качестве укрытий щели или блиндажи. Огонь они не вели до начала атаки противника и себя не обнаруживали, имея задачей внезапное открытие огня и восстановление огневой системы после того, как противник произведет авиационную и артиллерийскую обработку нашего переднего края и перейдет в атаку¹⁵.

Вся оборона строилась как противотанковая и организовывалась на всю глубину армейской обороны, но в первую очередь – в главной полосе. Основу противотанковой обороны составляли: противотанковый огонь артиллерии и танков, заграждения и естественные препятствия, увязанные с системой огня, своевременный маневр артиллерийско-противотанковыми и танковыми резервами и подвижными отрядами заграждений, система наблюдения и оповещения.

Для борьбы с танками оборудовались противотанковые опорные пункты (ПТОП). На Воронежском фронте ПТОПы располагались, как правило, в ротных или батальонных оборо-

¹⁵ ЦАМО РФ, ф.203, оп.2845, д.227, л.3–5,8,9.

нительных районах. Командовал таким пунктом обычно командир истребительно-противотанкового полка (иптап). Такое решение не оправдало себя. За участок обороны отвечал командир стрелкового полка, но он не имел прямого влияния на командира ПТОПа. Командир иптап, в свою очередь, не всегда знал ситуацию на участке стрелковых частей и мог принимать решение лишь на основе визуальной оценки обстановки. Более удачно решили эту проблему на Центральном фронте. Там ПТОПы располагались на участках стрелковых полков и объединялись в противотанковые районы (ПТОР). Комендантом назначался командир стрелкового полка, а его заместителем – командир арtpолка.

Противотанковый опорный пункт представлял собой хорошо замаскированные огневые позиции на 6–12 орудий с широким сектором обстрела, имелось примерно равное числу орудий количество противотанковых ружей (ПТР). От огня мотопехоты истребителей танков прикрывали до взвода автоматчиков. На наиболее танкоопасных направлениях количество орудий увеличивалось до 30, а ПТР – до 32.

На главной полосе обороны 6 гв. А было создано 20 ПТОПов, на второй полосе подготовили 11 ПТОПов. В районе Васильевка, Коровино, Черкасское, Каменный Лог, Козьмо-Демьяновка, Шопино, Хохлово, Дальняя Игуменка были оборудованы противотанковые районы обороны иптап, которые были переданы в подчинение командирам дивизий.

Армейский противотанковый резерв находился в районах Покровка, Сырцево и в 4 км юго-западнее с. Малые Маячки. На тыловом армейском рубеже, в полосе 69А, оборудовали 19 ПТОПов: в 183 сд – семь, в 305 сд – восемь и четыре – в 107 сд.

Истребительно-противотанковые полки, состоящие из пяти батарей, предназначались исключительно для борьбы с бронетанковой техникой врага. Основа их мощи – сконцентрированный в один кулак, хорошо и быстро управляемый огонь 20 орудий. Для этого в полках исключили такое звено управления, как дивизион. Это не только дало экономию личного состава, но прежде всего упростило управление огнем батарей и уменьшило время прохождения приказов и распоряжений, что при возросшей динамике боя с танками было очень важно.

Побатарейное использование полка не допускалось, так как сразу же распылялась его сила и утрачивался эффект концентрированного артиллерийского огня. К сожалению, в условиях реального боя зачастую на это не обращали внимания. Приданные стрелковым полкам и дивизиям истребительно-противотанковые полки нередко использовались побатарейно – для усиления обороны стрелковых батальонов первого эшелона. Так, командир 9-й гв. воздушно-десантной дивизии (вдд) полковник А.М. Сазонов приданный 301 иптап не использовал для создания ПТОПа в районе важной высоты 252.2 (3 км юго-зап. Прохоровки), а передал три батареи 26-го и 28-го гв. воздушно-десантных полков (вдп), а две оставил в своем резерве в районе хутора Кусты.

Значительно повысили эффективность борьбы с танками противника поступавшие в войска с 1942 г. подкалиберные снаряды, имевшие высокую бронепробиваемость. Это были дорогостоящие боеприпасы, поэтому их производилось немного, и в первую очередь они отпускались истребительно-противотанковым частям. Причем выдавались такие снаряды поштучно, под личную ответственность командира батареи (как секретное оружие).

Огонь ПТОПов усиливали гаубичные полки и дивизионы, расположенные на закрытых огневых позициях. На танкоопасных направлениях предусматривалось ведение подвижного и неподвижного заградительного огня (ПЗО и НЗО). Такой огонь не только расстраивал боевые порядки атакующих, но прежде всего отсекал мотопехоту от танков и наносил ей значительные потери. Кроме того, это позволяло сбивать темп общего наступления противника. Лишенные поддержки пехоты, экипажи танков обычно прекращали атаку или отводили машины на безопасное расстояние и, используя возможности орудий и прицелов, начинали вести методичный огонь с дистанции 1000–1200 м по позициям артиллерии. Кроме того, вся гаубичная и пушечная артиллерия готовила рубежи и позиции для ведения огня по танкам прямой наводкой.

Следующим шагом в деле повышения возможностей артиллерии по борьбе с танками стал Приказ НКО № 0063 от 10 апреля 1943 г. о создании более крупного противотанкового формирования – истребительно-противотанковых бригад. Соединение по штату должно было состоять из двух полков 76-мм пушек образца 1942 г. и одного полка 45-мм пушек образца 1937 или 1942 г. Все полки состояли из пяти батарей, по четыре орудия в каждой. В составе Воронежского фронта было семь таких бригад.

Для повышения роли истребительно-противотанковой артиллерии, стабилизации и закрепления обученных и имевших опыт борьбы с танками кадров И.В. Сталин еще 1 июля 1942 г. подписал приказ НКО № 0528, в котором истребительная артиллерия переименовывалась в истребительно-противотанковую. Всех офицеров, от командира взвода до командира дивизиона, должны были взять на строгий учет и впредь назначать на должности только в истребительно-противотанковую артиллерию. Рядовых и сержантов после излечения в госпиталях предписано возвращать в свои части. В целях стимулирования личного состава приказом вводились определенные льготы. В полтора раза повышались все должностные оклады, за каждый подбитый танк орудийному расчету устанавливались денежные премии, а количество подбитых танков отмечалось специальным знаком на щите орудия. Вводились воинские звания для наводчика (сержант) и его заместителя (младший сержант). Для всех офицеров и солдат вводился единый нарукавный знак – ромб из черного сукна с красной окантовкой и вышитым позолоченными нитями изображением двух перекрещенных орудийных стволов.

Для борьбы с танками привлекалась вся артиллерия, в том числе зенитная и самоходная, а также гвардейские минометы и танки. Впервые были разработаны специальные инструкции гвардейским минометным частям по борьбе с танками. Все командиры дивизий и выше имели артиллерийско-противотанковые резервы различного состава, которым заблаговременно готовили рубежи развертывания для ведения огня.

Для отражения массированных танковых ударов противника и повышения оперативной устойчивости обороны планировалось использовать свои бронетанковые войска. Каждый фронт, оборонявшийся в районе Курского выступа, получил по одной танковой армии и по два отдельных танковых корпуса. В состав Воронежского фронта вошли 1-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта М.Е. Катукоев, 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус под командованием полковника А.С. Бурдейного и 5-й гв. Сталинградский танковый корпус генерал-майора А.Г. Кравченко. Кроме того, в качестве средств усиления армиям первого эшелона придавались отдельные танковые полки и бригады непосредственной поддержки пехоты (НПП). Так, 6 гв. А имела два отдельных танковых полка, один самоходный полк смешанного состава и одну танковую бригаду. В этих соединениях к 1 июня насчитывалось всего 168 танков и САУ. 7 гв. А располагала 222 танками и САУ¹⁶. Танковые войска фронта были эшелонированы в глубину. Участник Курской битвы, впоследствии главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян вспоминал: *«Первый эшелон составляли отдельные танковые полки самоходной артиллерии, отдельные танковые бригады. Это были подвижные резервы командующих общевойсковыми армиями, командиров стрелковых корпусов и дивизий. Часть танковых полков использовалась в составе противотанковых опорных и узлов обороны, а также в танковых засадах. На первый эшелон уходила половина всех танков, которые имел фронт.*

Во втором эшелоне стояли танковые армии и отдельные танковые корпуса. Они располагались в 30–50 км от переднего края обороны и предназначались для нанесения контрударов по прорвавшимся группировкам противника.

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2851, д. 24, л. 51, 52, 299.

Второй, бронетанковый, эшелон обороны был основным маневренным ударным средством. С его помощью советское командование рассчитывало изменить и изменило ход оборонительного сражения в свою пользу.

Подчеркну еще раз, что наличие в составе фронтов таких крупных объединений, как танковые армии, явилось одним из решающих факторов того, что наша оборона оказалась непреодолимой.

Использование крупных соединений и объединений бронетанковых войск при ведении оборонительной операции для удержания полос обороны в глубине – второй и тыловой оборонительных полос общевойсковых армий – было новой формой оперативного применения танковых войск, резко увеличивало устойчивость оперативной обороны и позволило отражать атаки крупных танковых масс противника, наступавших на узких участках фронта группами по 200–300 машин»¹⁷.

Основу инженерных заграждений при подготовке обороны составили минно-взрывные **заграждения**, тесно увязанные с системой огня всех видов, естественными преградами и другими инженерными заграждениями. Опыт войны показал, что минные поля в глубине обороны более эффективны, чем перед передним краем первой и второй полос обороны. Если на переднем крае на один подорвавшийся танк приходилось 350–400 выставленных противотанковых мин (ПТМ), то в глубине эта цифра уменьшалась до 150–120 ПТМ. Такая разница объясняется тем, что минирование в глубине обороны происходило на уже выявленных направлениях наступления противника. На танкоопасных направлениях плотность минно-взрывных заграждений впервые за войну достигла до 1400–1600 мин на километр фронта.

Интересно, что кроме штатных мин в обороне широко применялись минно-огнефугасы (МОФ). В отличие от обычных минных полей они поражали противника не только ударной волной и осколками, но и образующимся в результате взрыва пламенем. Минное поле с МОФ при хорошей маскировке не поддается разминированию. Очаг пламени достигает 30–40 м высоты и обрушивается вниз. На солдат противника эти мины производили устрашающее впечатление и вызывали моральную подавленность.

МОФ отличались простотой в устройстве и способе установки. Они представляли собой обычный ящик с зажигательными бутылками емкостью 0,5 л. Центральную бутылку из ящика вынимали, а на ее место устанавливали обычную толовую шашку или противопехотную мину с уменьшенным до 100 г зарядом. К крышке прикрепляли колышек, чтобы она неплотно закрывалась. Ящик устанавливали в земляную яму и маскировали. При нажатии или наезде на крышку колышек ломался, происходил взрыв мины, после чего детонировали бутылки. Пламя, осколки и взрывная волна эффективно уничтожали пехоту и любую технику в радиусе 40 м. При этом на противника оказывалось мощное психологическое воздействие. Вот показания пленного ефрейтора 11-й роты 676 пп 332 пд Рудольфа Амтсберга: *«Саперы, участвовавшие в наступлении, понесли тяжелые потери от взрывающихся бутылок, установленных в земле, в пивных ящиках»¹⁸.*

В распоряжении всех командиров, от командира полка до командующего фронтом, находились подвижные отряды заграждений различного состава, в задачу которых входило минирование путей движения танков противника и разрушение дорог и дорожных сооружений.

Перед началом Курской битвы, 24 июня, появился еще один приказ НКО № 038 – о стимулирующих выплатах за подбитую бронетехнику врага, который касался личного состава всех артиллерийских, танковых частей и подразделений ПТР:

«В целях дальнейшего увеличения эффективности борьбы с вражескими танками и поощрения бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению противника

¹⁷ Бабаджян А.Х. Дорогами побед. М.: Воениздат, 1981. С. 126.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 236, оп. 2673, д. 120, л. 219, 220.

приказываю:

1. Установить премию за каждый подбитый или подожженный танк противника расчетом противотанковых ружей: наводчику ружья – 500 рублей, номеру противотанкового ружья – 250 рублей.

2. Установить премию за каждый уничтоженный (подбитый) танк противника экипажем нашего танка: командиру, механику-водителю и командиру орудия (башни) по 500 рублей каждому, остальным членам экипажа – по 200 рублей каждому.

3. Установить премию за каждый подбитый танк всеми видами артиллерии: командиру орудия и наводчику по 500 рублей, остальному составу штатного орудийного расчета по 200 рублей каждому.

4. Установить премию в размере 1000 рублей каждому бойцу и командиру за подбитый или подожженный танк противника при помощи индивидуальных средств борьбы. Если в уничтожении вражеского танка участвовала группа бойцов истребителей танков, то сумму премии поднять до 1500 рублей, выплачивать всем участникам группы равными долями.

5. Начальнику Финансового управления при НКО издать инструкцию по применению настоящего приказа.

6. Приказ ввести в действие с 1.07.43 г. и передать по телефону»¹⁹.

Особое внимание уделялось организации противовоздушной обороны. Свыше 60 % всей площади, занятой боевыми порядками войск, прикрывалось многослойным огнем зенитной артиллерии, главным образом малокалиберной. К борьбе с немецкими самолетами готовились и стрелковые подразделения. Для этого в войсках Воронежского фронта было выделено 2380 станковых и ручных пулеметов и 2169 противотанковых ружей²⁰.

Одновременно с совершенствованием обороны войска учились и обороняться, и наступать соответственно предназначению своих частей и соединений. Для ликвидации так называемой «танкобоязни» производилась обкатка пехоты своими танками: пехотинцы должны были, укрывшись в окопах, вести огонь по ним, как при подходе танков, так и после прохода их через траншеи. Танковые части тренировались в ведении огня из окопов, а также в быстром выходе на рубежи развертывания и решительной атаке во взаимодействии с пехотой и артиллерией.

Советское военно-политическое руководство на протяжении всей войны уделяло большое внимание созданию резервов. Поэтому Ставка ВГК принимала все меры не только по усилению Центрального и Воронежского фронтов, но и по созданию мощного стратегического резерва в их тылу. Еще 3 марта на курском направлении был создан Резервный фронт в составе трех общевойсковых армий и трех танковых корпусов. В апреле в него вошли еще две общевойсковые и одна танковая армии, два танковых и два механизированных корпуса. 15 апреля он был переименован в Степной военный округ (с 9.07.1943 г. – Степной фронт). К 5 июля 1943 г. он имел в своем составе 4 гв., 5 гв., 27, 47, 53-ю общевойсковые, 5-ю гв. танковую и 5-ю воздушную армии, а также три механизированных, три танковых, три кавалерийских корпуса²¹. Эти резервы сыграли важную роль при проведении оборонительной операции и в конечном итоге – в достижении победы в Курской битве.

В сражении под Прохоровкой самое активное участие приняли 5 гв. ТА и 5 гв. А. Далее речь пойдет об истории создания армий, о боевом составе основных соединений, будут даны краткие характеристики командующих – генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова и генерал-лейтенанта А.С. Жадова, а также отдельных командиров.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф.426, оп. 10753, д. 84, л.164.

²⁰ Колтунов Г. А, Соловьев Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат,1970. С. 70

²¹ ЦАМО РФ, ф. 240, оп. 2795, д. 36, л. 45

Создание 5-й гвардейской танковой армии

(См. Приложение. Документ 1. Таблицы 2, 2а).

Опыт отдельных операций зимой 1942 г. показал, что для решения задач фронтовых, а тем более осуществления стратегических операций, необходимо иметь мощные танковые объединения – армии, обладающие высокой подвижностью, маневренностью и большой ударной силой. Только им оказалось под силу обеспечить стремительное развитие тактического успеха в оперативный и увеличить размах операций.

Первые танковые армии начали формировать еще в мае 1942 г. Этому способствовал начавшийся стабильный рост производства танков нашей промышленностью.

Армии были смешанного состава: имели в своем штате три танковых корпуса, отдельную танковую бригаду, две стрелковые дивизии и специальные части. Однако уже первое боевое применение показало несовершенство такой структуры: их использовали так же, как и общевойсковые армии. Они так же занимали оборону в первом эшелоне фронта, не имея возможности провести маневр. В наступлении, даже если удавалось прорвать оборону, малоподвижные стрелковые соединения сковывали маневр танковых корпусов и не позволяли быстро развить достигнутый успех. Но, несмотря на это, необходимость создания крупных танковых объединений была очевидной. Наиболее наглядно это продемонстрировало контрнаступление под Сталинградом. В этой операции впервые для развития успеха командованием Красной Армии были применены танковые и механизированные корпуса. Их удачное использование дало блестящий результат даже в тяжелых условиях зимы.

К поиску новых форм организации танковых объединений руководство нашей армии подтолкнуло и совершенствование обороны немцев, что было отмечено с конца 1942 г. В 1941–1942 гг. противник строил свою оборону на основе отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления, создаваемых на наиболее важных направлениях, без сооружения сплошной линии окопов и серьезных инженерных сооружений. Это позволяло нашим стрелковым частям, усиленным танками для непосредственной поддержки пехоты, довольно легко прорывать вражескую оборону. После Сталинграда немецкое командование перешло в основном к обороне на всем советско-германском фронте. С этого времени и до конца войны главным для противника становится ее совершенствование. Немцы переходят к сплошной траншейной эшелонированной обороне с большим количеством минных полей и инженерных сооружений. Для ее взламывания требовался новый инструмент.

Обсуждение новой структуры и организации танковых армий проходило не только в Генеральном штабе и Главном автобронетанковом управлении Красной Армии. В этом было крайне заинтересовано командование фронтов. Мнения высказывались разные, и нередко противоположные в частностях. Но в главном все были едины: танковые армии – это эшелон развития успеха фронта, поэтому они должны обладать оперативной самостоятельностью. Для этого армии должны иметь однородный состав, освободиться от немоторизованных стрелковых соединений, а части артиллерии и тыла – повысить подвижность. Это позволило бы использовать широкий маневр при глубоком прорыве в тыл противника и улучшило бы управляемость всего объединения.

В конце января 1943 г. в штабе Южного фронта состоялось совещание. *«На обсуждение этого вопроса, – вспоминал впоследствии главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров, – я был приглашен к командующему войсками Южного фронта генерал-полковнику Р.Я. Малиновскому и члену Военного совета генерал-лейтенанту Н.С. Хрущеву. Я высказал мнение танкистов о необходимости проведения дальнейшего организационного массирования танков, для чего нужно создать танковые армии однородного типа и пересмотреть способы их применения на поле боя. Высказанные мною взгляды были одобрены. В заключение нашей*

беседы Н.С. Хрущев сказал, что он позвонит И.В. Сталину и попросит его выслушать мои предложения о создании танковых армий нового типа. Вскоре я приехал в Москву с докладом по вопросу пополнения 3-го гвардейского танкового корпуса, которым я в то время командовал, новой материальной частью и людьми. В Москве я был принят И.В. Сталиным. Он внимательно выслушал меня и одобрительно отнесся ко всем предложениям. Через несколько дней состоялось решение о создании 5-й гвардейской танковой армии»²².

Это была не первая встреча П.А. Ротмистрова с Верховным. Впервые они встретились в первой половине ноября 1942 г. – командир 7-го танкового корпуса был вызван Верховным для личной беседы. Сталин интересовался этим человеком. Он запомнил фамилию командира одной из первых гвардейских танковых бригад, которые получили это звание за успешные бои в тяжелейших условиях 1941 г. Ему нравилось, что боевой генерал с фронта стремится поделиться боевым опытом (статья П.А. Ротмистрова была опубликована в «Правде» 24 июня 1942 г.). Знал Верховный и положительную характеристику, которую давало Главное автобронетанковое управление этому комкору: *«Грамотный, твердо управляет соединением, партии Ленина – Сталина предан»*. Вероятно, Сталину понравился этот невысокий танкист в очках. Поэтому не случайно, когда в начале 1943 г. встал вопрос о кандидатуре командующего гвардейской танковой армией нового типа, выбор пал на него.

К этому времени П.А. Ротмистров уже имел успешный боевой опыт командования крупными танковыми соединениями, хотя в эти войска он пришел только в 36 лет. После окончания Военной Академии им. М.В. Фрунзе в июне 1931 г. он получил назначение в г. Читу – начальником оперативного отдела 36-й Забайкальской стрелковой дивизии. Через некоторое время был назначен на довольно высокую должность – начальник оперативного управления штаба Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, которой командовал В.К. Блюхер. В июне 1937 г. для приобретения командного опыта Павла Алексеевича назначили командиром 63-го Краснознаменного полка им. М.В. Фрунзе 21-й дважды Краснознаменной Приморской стрелковой дивизии им. С.С. Каменева. В годы необоснованных репрессий в нашей стране молодой, подающий надежды офицер был обвинен в связи с «врагами народа». Его исключили из партии, возникли даже аресты. Однако он не пал духом, написал письмо в ЦК ВКП(б), в котором выразил несогласие с этим решением. Через некоторое время его вызвали в Москву. Персональное дело было рассмотрено Комиссией партийного контроля, и его восстановили в партии. Однако этот эпизод, безусловно, сказался на его судьбе – такое уж было время. Несмотря на то что высшая партийная инстанция его оправдала, в январе 1938 г. он был назначен на должность с понижением – преподавателем тактики в недавно созданную Военную академию механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина. Через год П.А. Ротмистров защитил диссертацию и получил степень кандидата военных наук.

В ноябре 1939 г. началась советско-финская война. И ничего удивительного не было в том, что преподаватель академии подал заявление с просьбой направить его в одну из боевых частей. Он направляется командиром танкового батальона в 34-ю легкотанковую бригаду на Кольский полуостров, а через некоторое время становится начальником штаба этого соединения. За успешные боевые действия в «зимней войне» бригада была награждена орденом Красного Знамени, а Павел Алексеевич удостоен ордена Красной Звезды. Это была его вторая боевая награда. Первой – ордена Боевого Красного Знамени – он был отмечен в 1921 г. за мужество, проявленное при штурме форта № 6 во время подавления восстания в Кронштадте.

В декабре 1940 г. подполковник П.А. Ротмистров назначается заместителем командира 5-й танковой дивизии (тд) 3-го механизированного (мк) корпуса Прибалтийского Особого военного округа. Комдив находился на учебе в Москве, и Ротмистрову пришлось длительное время исполнять его обязанности.

²² Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М.: Воениздат, 1960. С. 10

В начале 1941 г. руководством Красной Армии было принято решение о восстановлении танковых и механизированных корпусов. Численность каждого из них должна была составлять более 1000 единиц бронетехники. Для развертывания таких крупных соединений требовалось подготовить большое число офицеров. В то же время офицеров, имевших боевой опыт, было не так много. Поэтому, пробыв в дивизии неполных шесть месяцев, подполковник (с июня 1941 г. – полковник) Ротмистров получил новое назначение – начальником штаба 3 мк. С первых дней нападения Германии на Советский Союз 3 мк пришлось испытать всю тяжесть и горечь отступления и потерь. Корпус дислоцировался в Литве, в районе городов Каунас и Алитус. На его вооружении стояли легкие танки. Уже на пятый день войны немцы окружили управление корпуса и штаб 2 тд, которая входила в состав корпуса. Более двух месяцев начальник штаба с группой солдат и офицеров выходил из окружения по лесам Литвы, Белоруссии и Брянщины. Как вспоминал позднее Павел Алексеевич, это были самые тяжелые для него дни за всю войну. После перехода через линию фронта вся группа, особенно старший офицерский состав, подверглась жесткой проверке органами военной контрразведки. Это было по тем временам довольно серьезное испытание, однако Ротмистрову удалось пройти его относительно быстро. Положительное значение имело то, что группа вышла из окружения с оружием и документами. Вероятно, немаловажную роль сыграла и давняя дружба П.А. Ротмистрова с заместителем наркома обороны начальником Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенантом Я.Н. Федоренко. Тогда же Яков Николаевич предложил ему должность начальника штаба управления, но, по словам П.А. Ротмистрова, он от нее отказался и попросил направить его на фронт.

23 сентября 1941 г. полковник П.А. Ротмистров принял находившуюся на Валдае (в 120 км северо-западнее Москвы) на формировании 8-ю танковую бригаду (тбр) 11А Северо-Западного фронта. Это соединение стало настоящей школой боевого опыта и командирского мастерства для будущего командарма. Бойцы бригады вели успешные бои на калининском направлении, где была создана оперативная группа под командованием начальника штаба Северо-западного фронта генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина. Под Калинином в сентябре 1941 г. и произошло знакомство П.А. Ротмистрова с Н.Ф. Ватутиным.

Потом были бои под Москвой. Проявленные в Московской битве танкистами 8 тбр стойкость и мужество были по достоинству оценены: 11 января 1942 г. соединение было преобразовано в 3 гв. тбр, а комбриг награжден орденом Ленина. Большие успехи руководимого им соединения в такой крупной битве, как Московская, дали серьезный толчок для дальнейшего служебного роста П.А. Ротмистрова: его назначили командиром 7 тк, который был сформирован в марте 1942 г. в районе Калинина на базе 3 гв. тбр.

Уже в конце июня в связи с прорывом противника в район Острогожска и возникшей угрозой захвата немцами Воронежа корпус спешно по железной дороге перебрасывается в район Ельца и передается в состав 5ТА, которой командовал генерал-майор А.И. Лизюков. Армии предстояло нанести контрудар по наступающей на Воронеж танковой группировке противника. Но из-за неумелой и поспешной организации контрудар своей цели не достиг. Хорошо укомплектованные три танковых корпуса вводились в сражение с интервалом в два дня, что не позволило создать решительный перелом в боевой обстановке.

Из-за неудачных попыток остановить противника Ставка отстранила командующего Брянским фронтом генерала Ф.И. Голикова, и руководство контрударом взял на себя Генеральный штаб. Во время выгрузки 7 тк в Ельце произошло знакомство Ротмистрова с начальником Генштаба Красной Армии генерал-полковником А.М. Василевским, который приехал, чтобы лично передать приказ о подчинении соединения Ротмистрова 5-й танковой армии. После этого они часто встречались. В новогоднюю ночь 1943 года начальник Генштаба приезжал поздравить командование корпуса с успешным завершением Котельниковской операции. А в июле 1943 г. Александру Михайловичу пришлось защищать Ротмистрова, уже команду-

щего 5 гв. ТА. По словам Павла Алексеевича, именно А.М. Василевский отвел от него гнев И.В. Сталина за большие потери армии под Прохоровкой.

В тяжелых боях на воронежском, а затем и сталинградском направлении полковнику П.А. Ротмистрову, как и летом 1941 г., выпало испытать горечь поражения. Вновь столкнулся он и с карательными органами, ощутил холодок недоверия. В начале сентября 1942 г. 7 тк участвовал в составе 1 гв. А Сталинградского фронта в контрударе с целью уничтожить противника, прорвавшегося к Волге, и восстановить связь с отрезанной в Сталинграде 62А. Положение складывалось тяжелое, было крайне важно оттянуть часть сил врага от Сталинграда, и Ставка торопила командование фронта. Поэтому наступление началось без должной подготовки, атаковавшие войска не имели прикрытия с воздуха, а в 1 гв. А не было ни одного полка ПВО.

«...Мы несли большие потери, особенно в легких танках «Т-60» и «Т-70», имевших слабую броневую защиту, – вспоминал П.А. Ротмистров. – Было подсчитано, что только в течение одного дня авиация противника произвела против нас до 2 тысяч самолето-вылетов... Мы потеряли в этих боях 156 из 191 танка, имевшегося к началу боевых действий под Сталинградом»²³.

Из донесения в Государственный Комитет Оборона и Генеральный штаб: «НКВД СССР докладывает донесение Особого отдела Сталинградского фронта:

В течение трех последних дней 1-я гвардейская и 24-я армии безуспешно и с большими потерями пытаются прорвать линию обороны противника для соединения со сталинградскими войсками.

Проверкой установлено, что разрыв между южной и северной группировками наших войск составляет не 1–2 км, как это ранее указывалось, а до 8 км.

В последние 3 дня, несмотря на введение штабом фронта ряда приказов о наступлении, прорыве линии обороны противника и соединении обеих группировок, руководящие работники штаба не верят в реальность своих же приказов и считают, что войска при теперешнем их состоянии не смогут прорвать оборону противника.

Так, заместитель начальника Оперативного отдела штаба фронта подполковник Крамар заявил: «Я не верю в реальность приказа».

В дивизиях 1-й гвардейской армии насчитываются большие потери. Введенный в бой 5 сентября 7-й танковый корпус в количестве 180 танков понес большие потери, и на сегодня в нем насчитывается всего 15 танков. Материалы расследования, свидетельствующие о вине командира этого корпуса генерал-майора Ротмистрова, представлены на месте товарищу Маленкову»²⁴.

Комиссия Г.М. Маленкова признала, что корпус поставленную задачу не выполнил, но при этом понес очень большие потери. Однако оргвыводов, как нередко бывало после таких расследований, не последовало. Ставка и Генеральный штаб учли сложность ситуации и то положение, в котором оказалось командование наступавших войск, и взяли часть ответственности на себя. Это спасло будущего первого маршала бронетанковых войск Красной Армии, но прибавило ему седых волос.

По-настоящему звездный час пробил для Ротмистрова во время контрнаступления наших войск под Сталинградом. После окружения группировки Паулюса войска Сталинградского и Юго-Западного фронтов перешли в решительное наступление, дабы не дать немцам возможности деблокировать окруженную группировку. С 12 по 30 декабря 1942 г. войсками Сталинградского фронта была проведена успешная наступательная операция по уничтожению котельниковской группировки врага. Важную роль в развитии наступления в оперативную глубину на этом направлении сыграли танковые и механизированные корпуса. Тяжелые, крово-

²³ Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 123.

²⁴ Сталинградская эпопея. М.: «Звонница – МГ», 2000. С. 167

пролитные бои за овладение хорошо укрепленной ж.-д. станцией и пос. Котельниковский²⁵ длились двое суток. Основную роль в них сыграл 7 тк Ротмистрова. На заключительном этапе операции, 28 декабря в 16.00, часть его сил – 87-я танковая и 7-я мотострелковые (мсбр) бригады – сумела с ходу захватить находившийся в километре от поселка немецкий аэродром. Удар был столь стремителен, что противник не смог оказать серьезного сопротивления. На уже захваченный аэродром продолжали садиться немецкие самолеты, возвращавшиеся с заданий. Личный состав корпуса отличился в этих боях, и потому 29 декабря соединение было переформировано в 3-й гв. танковый корпус, которому было присвоено почетное наименование Котельниковского.

Рывок частей корпуса к пос. Котельниковский показал, как возросло полководческое мастерство генерал-майора П.А. Ротмистрова. Он получил очередное воинское звание генерал-лейтенанта танковых войск, был награжден орденом Суворова 2-й степени (номер «3»), его назначили командующим впервые создаваемого танкового объединения однородного состава – 5-й гв. танковой армии.

27 января Государственный Комитет Обороны принял постановление № 2799 о формировании танковых армий однородного состава. Этот документ завершил длившийся почти год процесс создания объединений, обладавших тремя основными качествами: мощным вооружением, мобильностью и эффективной возможностью борьбы с противотанковыми средствами врага.

Согласно постановлению, **танковая армия** должна была включать: два танковых и один механизированный корпуса, мотоциклетный полк, зенитно-артиллерийскую дивизию, истребительно-противотанковый артиллерийский полк, гаубичный артиллерийский полк, гвардейский минометный полк, а также части обеспечения (полк связи, авиаполк связи, инженерный батальон), тыловые части и учреждения: автомобильный полк, два ремонтно-восстановительных батальона, медицинские, продовольственные, обозно-вещевые учреждения, части по сбору, приемке и эвакуации трофейного имущества, учреждения горючего и смазочных материалов, артиллерийского снабжения, связи, химические учреждения и др. Общая численность личного состава танковой армии должна была составить примерно 46 тыс. человек, танков – 648–654 единицы.

Танковый корпус состоял: из управления корпуса, трех танковых и одной мотострелковой бригад, минометного, зенитно-артиллерийского (зап) и истребительно-противотанкового (иптап) полков, разведывательного, мотоциклетного, саперного батальонов и батальона связи. В некоторых корпусах для ведения разведки использовались отдельные бронеавтомобильные батальоны и авиазвено. В состав корпуса включались также подразделения тылового технического обеспечения.

Всего в танковом корпусе во второй половине 1942 г. по штату было 7800 человек, 168 танков, 52 (в том числе 20 зенитных) орудия, 44 миномета, 8 боевых машин реактивной артиллерии (РА). В последующем все изменения в организации корпуса проводились с целью повышения его самостоятельности, ударной и огневой мощи.

Сравнивая численность личного состава и вооружения советского танкового корпуса и танковой дивизии вермахта (см. табл. 3), отметим, что он уступал ей в людях – в 2,2 раза, в полевой артиллерии – в 2,4 раза, в танках – в 1,2 раза. А по количеству ПТ орудий дивизия врага превосходила танковый корпус в 8,4 раза (101 орудие против 12)! Очень важный показатель.

Танковая бригада после ее усиления в январе 1943 г. имела численность 1058 человек и 53 танка (тридцать два «Т-34», двадцать один «Т-70»), состояла из роты управления, двух танковых и одного моторизованного стрелково-пулеметного батальонов, батареи противотан-

²⁵ Ныне город Котельниково.

ковых орудий (четыре 76-мм пушки), минометной (шесть 82-мм минометов) и зенитно-пулеметной (девять пулеметов ДШК) рот, роты противотанковых ружей (ПТР), роты технического обеспечения, медсанвзвода и отдела контрразведки.

Мотострелковая бригада не имела специального штата и комплектовалась так же, как и обычная стрелковая бригада. В ее состав входили управление бригадой, три мотострелковых и один минометный батальоны, артиллерийский дивизион, роты: управления, автоматчиков, противотанковых ружей, зенитно-пулеметная, разведывательная, инженерно-минная, автомобильная, технического обеспечения, а также медсанвзвод, трофейный и особый отделы. В ней насчитывался 3281 человек.

Механизированный корпус отличался от танкового лишь большим количеством мотопехоты. Это увеличивало его самостоятельность как в наступлении, так и в обороне. Моторизованная пехота была необходима не только для поддержки наступающих танковых частей, но и главным образом для закрепления захваченных ими рубежей. Поэтому основу соединения составляли механизированные бригады (мехбр). Они формировались по штату мотострелковых бригад с включением в них танкового полка, состоящего из четырех рот и имевшего, как правило, 39 танков. Кроме того, на усиление мех-корпус получал одну отдельную танковую бригаду, которая состояла из трех танковых и одного мотострелкового батальонов и имела 65 танков.

Следует учитывать, что мехкорпус Красной Армии на 1 января 1943 г. значительно превосходил по силам немецкую моторизованную дивизию и был примерно равен танковой дивизии вермахта, но значительно уступал им в количестве противотанковых орудий (соответственно 36 против 73 и 36 против 101 орудия; см. табл. 4).

«Танковые и механизированные корпуса, являясь оперативно-тактическими соединениями, – отмечал бывший командующий 2 гв. ТА генерал А.И. Радзиевский, – могли самостоятельно решать различные задачи:...развивать успех в оперативной глубине, преследовать отходящего противника, захватывать важные рубежи и объекты, наступать против поспешно перешедшего к обороне противника, вести борьбу с его танковыми и моторизованными соединениями. При усилении стрелковыми соединениями, гаубичной и тяжелой артиллерией, тяжелыми танками и инженерными частями они, кроме того, могли решать задачи прорыва обороны, подготовленной в полевых условиях. С учетом боевой напряженности, обеспеченности горючим, боеприпасами и характера действий эти корпуса могли непрерывно наступать в течение 5–6 суток с темпом 50–60 км и более, находясь в отрыве от главных сил армии на удалении 30–40 км»²⁶. Так, начало 1943 г. стало ключевым моментом в развитии танковых и механизированных войск Красной Армии.

Днем рождения 5 гв. ТА можно считать 22 февраля 1943 г. В этот день была подписана директива НКО о формировании двух гв. танковых армий. В ней говорилось:

«Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны № 2791 от 28 января 1943 года

Приказываю:

1. В период февраля – апреля 1943 г. сформировать две гвардейские танковые армии в составе и по штату согласно перечню – приложению № 1.

2. Дислокацию и срок готовности гв. танковых армий установить:

а) 5-й гв. танковой армии – район Миллерово. Срок готовности – 25 марта 1943 года;

б) 3-й гв. танковой армии – Купянск, Красный Лиман. Срок готовности – 15 апреля 1943 года.

3. В состав гв. танковых армий включить:

²⁶ Радзиевский А.И. Танковый удар. М.: Воениздат, 1974. С. 27

а) в 5-ю гв. танковую армию: 3-й гв. Котельниковский танковый корпус, 29-й танковый корпус, 5-й гв. механизированный корпус...»

Для повышения подвижности штат армии сократили на 15–20 % по сравнению с танковыми армиями смешанного состава, исключив в основном стрелковые соединения. Тем не менее к началу Прохоровского сражения 5 гв. ТА насчитывала более 41 тыс. человек.

В связи с тем, что армия формировалась на базе 3 гв. Котельниковского танкового корпуса, руководящие должности в штабе армии заняли в основном офицеры и генералы этого корпуса. К тому же их всех лично знал, им доверял командарм – ведь с ними он прошел тяжелые два года войны. Так, на очень ответственную и «горячую» должность в танковой армии – начальника управления бронетанкового снабжения и ремонта – пришел бывший заместитель командира корпуса по технической части инженер-полковник С.А. Соловой.

21 марта 1943 г. на должность начальника штаба армии был переведен начальник штаба этого корпуса 34-летний полковник Владимир Николаевич Баскаков. В Красную Армию он был призван в 1931 г. по спецмобилизации ЦК ВКП(б) с первого курса Нижегородского машиностроительного института. После окончания Саратовской бронетанковой школы в 1932 г. был инструктором, командиром танкового взвода, а затем командиром танковой роты в механизированной бригаде им. К.Б. Калиновского. В ноябре 1935 г. с должности командира танкового батальона 13-й мехбригады поступил в Военную академию механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина. По ее окончании в мае 1941 г. капитан В.Н. Баскаков получил назначение в Киевский Особый военный округ – командиром батальона средних танков 15 тп 8 тд.

С началом Великой Отечественной войны батальон капитана Баскакова в составе полка участвовал в приграничных сражениях, отличился при проведении контрудара в районе г. Бердичев. С июля 1941 г. Баскаков командует 15-м танковым полком. Полк в составе 8-й танковой дивизии полковника Е.Г. Пушкина вел тяжелые оборонительные бои в районе г. Умань. В августе дивизия в составе Южного фронта защищала Днепропетровск, а в сентябре сдерживала натиск войск ГА «Юг» под Павлоградом. С 23 сентября 1941 г. В.Н. Баскаков – исполняющий обязанности командира 130 тбр 8 тд Южного фронта. Бригада отличилась в Барвенковско-Лозовской наступательной операции. С 15 февраля 1942 г. он становится командиром 62 тбр, которая вошла в состав сформировавшегося 7 тк²⁷.

С этого времени на два года военная судьба свела Владимира Николаевича Баскакова с Павлом Алексеевичем Ротмистровым.

В первом же бою, который провел корпус, пытаясь захватить коммуникации врага, рвавшегося к Дону, отличилась бригада подполковника Баскакова. А с июля он уже начальник штаба 7 тк. Одна из первых крупных операций корпуса, в которых он участвовал уже в новой должности, оказалась, однако, неудачной – советские войска безуспешно пытались прорваться к истекавшим кровью частям 62А генерала В.И. Чуйкова в Сталинграде. Вместе с 7 тк он прошел тяжелый путь отступления к Волге и Дону, планировал прорыв и освобождение пос. Котельниковский. Продвижение Баскакова по службе – от комбрига до начальника штаба корпуса и, наконец, до начальника штаба армии, – получение им звания генерал-майора свидетельствовало о том, что командующий удовлетворен его боевой работой. И верно, между ними сложились отношения взаимопонимания и уважения. Сработанность командующего армией с начальником штаба – всегда залог стабильной и результативной работы управления объединения. Анализируя их совместную деятельность, можно с уверенностью сказать, что их содружество в то непростое время оказалось плодотворным. Но справедливости ради необходимо отметить, что при таких отношениях Владимиру Николаевичу было нелегко сохранить самостоятельность взглядов.

²⁷ Основные биографические данные советских офицеров и генералов, используемые в книге, взяты из Учетно-послужных карточек офицерского состава Красной Армии, хранящихся в ЦАМО РФ.

Несмотря на то что почти на все основные должности в армейском руководстве к этому времени были назначены старшие офицеры и генералы, «утряска» штатов управления продолжалась до июня. Первым заместителем командующего армией был назначен генерал-майор И.А. Плиев. Однако 9 мая 1943 г. его перевели на должность заместителя командующего Степным военным округом по кавалерии.

Вторым заместителем командующего 5 гв. ТА был назначен 41-летний генерал-майор К.Г. Труфанов. Кузьма Григорьевич родился в Воронежской обл. В 1918 г. вступил в ряды Красной Армии, участвовал в боях с войсками Деникина и бандами Махно. В составе 1-й Конной армии С.М. Буденного участвовал в 1920 г. в советско-польской войне. По окончании Гражданской войны продолжал служить в кавалерии, прошел путь от командира взвода до командира эскадрона курсантов в Тверской кавалерийской школе. С 1935 г. – командир разведывательного батальона, затем служил в инспекции кавалерии РККА. Участвовал в боях в районе озера Хасан в 1938 г. В июне 1940 г. Труфанов вступил в должность командира 9-го мотоциклетного полка 7 тк. Участвовал в боевых действиях с самого начала Великой Отечественной войны, но воевать в 1941 г. Кузьме Григорьевичу довелось недолго. В июле на Западном фронте он получил тяжелое ранение и после излечения в госпитале был назначен начальником Ташкентского кавалерийского училища: формировал его, организовывал учебный процесс, руководил подготовкой офицеров-кавалеристов. В марте 1943 г. генерал-майор К.Г. Труфанов был переведен в 5 гв. ТА. При выдвижении армии в район станции Прохоровка командовал ее передовым отрядом.

Членом Военного совета армии был назначен генерал-майор П.Г. Гришин. Петр Григорьевич родился в 1906 г. в Тульской обл. С первых месяцев войны – на фронте. Осенью 1941 г. в должности комиссара 108-й танковой дивизии участвовал в защите Тулы. В 5 гв. ТА был переведен с должности заместителя командира по политчасти 6 тк 1ТА.

6 марта 1943 г. в связи с неудачами Красной Армии под Харьковом 3 гв. тк под командованием генерал-майора И.А. Вовченко был выведен из состава 5 гв. ТА и переброшен на Воронежский фронт. Таким образом, в составе армии осталось два корпуса – 29-й танковый и 5-й гв. механизированный.

«Нужно сказать, что они по численности, боевому опыту и боевым возможностям имели свои отличия, – вспоминал П.А. Ротмистров, – 5 гв. механизированный корпус... проявил себя в Сталинградской битве, особенно под Зимовниками, Цимлянкой, в междуречье Волги и Дона. Но после тяжелых боев в районе Ростова в корпусе не хватало 2000 солдат и офицеров, 204 танков. Надо было в короткие сроки восстановить боевую мощь соединения и обучить новое пополнение на опыте минувших сражений, в совершенно иных условиях боевой деятельности»²⁸.

29-й танковый корпус был сформирован в феврале 1943 г. в учебном автобронетанковом центре в районе г. Наро-Фоминска, в составе управления, 25, 31, 32-й танковых и 53-й мотострелковой бригад, а также из корпусного комплекта специальных частей. Численность и боевой состав 29 тк на 9 июля 1943 г. показаны в табл. 5.

Его первым командиром был назначен генерал-майор Ф.Г. Аникушин, а начальником штаба полковник Е.И. Фоминых. К 17 марта управление и часть сил было переброшено по железной дороге в район г. Острогожска (90 км южнее Воронежа). Предполагалось, что корпус будет наиболее сильным и многочисленным из двух танковых соединений армии. Все его бригады имели по два танковых батальона (трех ротного состава), которые комплектовались большим числом машин, чем было положено по их штату (31 машина). Так, 25 и 31 тбр получили в по 32 средних танка «Т-34» и по 39 легких «Т-70», а 32 тбр являлась ударной, и поэтому два ее батальона имели 65 «тридцатьчетверок» (три танка командования).

²⁸ Ротмистров П.А. Указ. соч. С. 168–169.

Одной из главных проблем, которая встала перед его руководством сразу же после сосредоточения в Воронежской области, заключалась в том, что все танковые бригады ранее действовали самостоятельно, в основном как соединения непосредственной поддержки пехоты. *«Командиру корпуса и его штабу надлежало свести бригады в единый боевой организм, способный смело и решительно действовать в оперативной глубине, а самое главное – наносить массированные танковые удары по танковым группировкам противника во встречных сражениях и наступательных операциях. Для решения таких задач необходимо было не только изменить тактические приемы применения танков в бою, но и психологически подготовить личный состав бригад к новым формам боя».*²⁹

2 марта 1943 г. в руководстве соединения произошли изменения – прибыл новый командир генерал-майор И.Ф. Кириченко. Иван Федорович родился в Киевской области в 1902 г. в крестьянской семье. Участвовал в Гражданской войне. Как и многие командиры РККА его поколения, он не смог получить основательного образования. Единственным военно-учебным заведением по основной специальности, которое он (после вечернего рабфака и краткосрочных Военно-политических курсов) окончил перед войной, были Ленинградские бронетанковые курсы (1932 г.).

После учебы он был направлен на Украину в Киевский военный округ. С мая по октябрь 1937 г. исполнял обязанности начальника штаба отдельного танкового батальона 44 сд, затем с декабря 1937 г. по 30 января 1938 г. командовал этим же батальоном.

В марте 1938 г. майор И.Ф. Кириченко направляется в Монголию, в качестве инструктора танковых войск. Служил в городах Улан-Батор и Тамань-Булане. С февраля по сентябрь 1939 г. участвовал в боях в Номонгане – Бурятской области и у р. Халхин-Гол. За успешное выполнение приказов командования в ходе боев с японцами был награжден орденом Красного Знамени МНР.

В мае 1940 г. командировка завершилась, и через месяц Иван Федорович переводится в Кишинев с повышением на должность заместителем командира 22 танкового полка (тп) 11 тд. С первых дней Великой Отечественной войны – он в действующей армии. С 26 июня по конец сентября 1941 г. его полк вел тяжелые оборонительные бои на Южном фронте (в районе Христиновка, Умань). Выдержка и умение принимать верные решения в сложной обстановке были оценены командованием. Поэтому уже 29 сентября назначается комбригом, принимает под командование 9 отбр. На этой должности он особенно хорошо проявил себя под Москвой. В аттестационных документах этого периода указывается, что это *«серьезный, обстрелянный, дисциплинированный и требовательный к себе и подчиненным командир»*. В то же время отмечалась его нерешительность и «боязливость», т. е. отсутствие необходимой смелости в определенных условиях. На эти отрицательные качества Ивана Федоровича как командира, да еще на его недооценку противника, впоследствии не раз указывало вышестоящее командование. Тем не менее бригада успешно громила противника на Западном фронте, особенно результативно в районе Мезень, Малоярославец. Это было отмечено И.В. Сталиным. За успешные действия в ходе обороны столицы в феврале 1942 г. соединению Кириченко, второму в танковых войсках РККА после прославленной бригады Каткова, присваивается звание гвардейской, а сам комбриг награждается орденом Ленина и получает звание подполковника.

С декабря 1942-го по март 1943 г. полковник И.Ф. Кириченко – заместитель командира 2-го мк. Мехкорпус участвовал в отражении попытки группировки Манштейна по деблокадированию 6-й полевой армии под Сталинградом, в районах Маныч, Старо-Черкасская, Тормосин, а в марте он назначается на самостоятельную должность – становится командиром крупного танкового соединения – 29 тк. Этому корпусу будет суждено принять первый свой бой (с момента формирования) под Прохоровкой и за несколько часов практически полностью

²⁹ Ротмистров П.А. Указ. соч. С. 168–169.

сгореть в ходе знаменитого контрудара 12 июля 1943 г. Несмотря на то что стоявшая задача не была выполнена, а войска понесли очень большие потери, действие комкора командованием 5 гв. ТА были оценены как успешные. В аттестации осенью 1943 г. Военный совет отмечал: *«В период летнего 1943 г. наступления противника, командуя 29 тк, под Прохоровкой севернее Белгорода, 12.7.43 г. который принял на себя основной удар наступающей механизированно-танковой группы противника (наступало до 700 танков) и совместно с другими частями остановил ее, после чего перешел в наступление.*

В Белгородской операции 1943 г., наступая в первом эшелоне 5 гв. ТА, сумел успешно организовать ввод корпуса в прорыв. В результате его умелых действий были разгромлены войсковые резервы противника. В последующем 29 тк под руководством Кириченко успешно действовал в Харьковской наступательной операции наших войск».

Причина столь лестного отзыва и, скажу прямо, не вполне объективного в том, что руководство армии было вынуждено само оправдываться за существенные просчеты, приведшие к очень тяжелым последствиям, которые допустили руководство Воронежского фронта и Генштаб при организации ввода в бой резервов Ставки ВГК. Стрелочником в той непростой ситуации был назначен командир соседнего соединения генерал Б.С. Бахаров, но об этом рассказ впереди.

В середине 1944 г. генерал-майор И.Ф. Кириченко становится заместителем командующего 5 гв. ТА, а с февраля 1945 г. – командиром 9 тк. За умелое руководство этим корпусом и проявленное личное мужество в Висло-Одерской операции 6 апреля 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны Иван Федорович закончил основной курс Военной академии им. Ворошилова и командовал сначала бронетанковыми войсками Северной группы войск, а затем Московского военного округа. В 1956 г. генерал-лейтенант И.Ф. Кириченко направлен в Китай в качестве советника командующего БТ и МВ Народно-освободительной армии. С 1964 г. в отставке. Скончался генерал в Москве в 1981 г.

С марта 1943 г. штаб 29 тк возглавлял 36-летний полковник Евгений Иванович Фоминых. Это был подготовленный (преподавал тактику во 2-м Харьковском танковом училище) с боевым опытом штабной офицер. В 1941–1943 гг. в действующей армии он командовал танковым батальоном и танковым полком, был начальником штаба танковой бригады и служил старшим помощником начальника оперотдела штаба танкового корпуса. Кроме того, Евгений Иванович обладал хорошими командирскими качествами. Поэтому не случайно, что после отзыва И.Ф. Кириченко в Москву именно он принял командование 29 тк, а в декабре 1944 г. был переведен на равноценную должность в 25 тк. Соединение успешно действовало в Сандомирско-Силезской, Нижне-Силезской и Берлинской наступательных операциях. За успешное выполнение заданий командования в ходе битвы за Берлин генерал-майор Е.И. Фоминых был удостоен звания Героя Советского Союза.

25 тбр сформировалась с 1 по 20 октября 1942 г. в г. Новое Сорново Горьковской обл. Затем была переброшена на Западный фронт, в район г. Истра, где вошла в состав 7-й моторострелковой дивизии 16А. С 24 октября по 18 декабря бригада вела бои на солнечногогорском направлении под Москвой. 26 декабря передислоцирована в район с. Шубное Острогожского района Воронежской обл. и передана в состав Резервного фронта. 28 февраля 1943 г. вошла в состав 29 тк 5 гв. ТА. С 8 сентября 1942 г. по 28 сентября 1943 г. бригадой командовал 33-летний полковник Володин Николай Константинович. До этого он занимал должность начальника инженерной службы 34 мсбр.

Н.К. Володин был одним из самых молодых командиров танковой бригады в армии, однако уже имел хорошую профессиональную подготовку – в 1940 г. окончил Военную академию моторизации и механизации им. И.В. Сталина. Штаб бригады с 14 декабря 1942 г. по 24 марта 1944 г. возглавлял майор Машков Михаил Федорович.

31 тбр была сформирована 3 сентября 1941 года на Юго-Западном фронте как 1-я отдельная танковая бригада, однако уже 2 ноября, прибыв в распоряжение Ставки ВГК в район г. Ногинска, получила новое наименование – 31-я танковая бригада. А через несколько дней, пасмурным утром 7 ноября 1941 г., ее экипажу выпала честь участвовать в знаменитом параде на Красной площади, который продемонстрировал всему миру мужество и решимость советского народа отстоять свою страну. Затем (13 ноября) соединение передали в подчинение командиру 1-го кавалерийского корпуса генералу П.А. Белову. После пяти дней оборонительных боев бригада, совершив 270-км марш в район г. Клина, перешла в подчинение 20А Западного фронта. Вплоть до конца февраля 1943 года соединение действовало в его составе, периодически выходя на доукомплектование и отдых. Соединение вело оборонительные бои в составе 16-й, 20-й армий, оперативной группы генерала Ремизова, а также 8-го тк в районе городов Волоколамск, Мещевск, а в августе 1942 года участвовала в окружении и уничтожении кармановской группировки врага западнее Москвы. К 7 марта 1943 г. по железной дороге была переброшена в район х. Средне-Митякино Воронежской области и вошла в состав 29 тк. С 25 марта по 6 июля 1943 г. в районе х. Грушевая Поляна занималась доукомплектованием и боевой подготовкой личного состава.

22 января 1943 г., когда бригада еще находилась на Западном фронте, под Наро-Фоминском в торжественной обстановке в ее состав была передана танковая колонна, которую сформировали из боевых машин, построенных на денежные средства трудящихся Красной Пресни. На башне каждого танка белой краской было выведено «Москва». Через некоторое время соединение вывели в резерв Ставки и вплоть до начала Курской битвы оно в боях не участвовало. Поэтому танки из колонны «Москва» впервые вступили в бой на знаменитом «танковом поле» под Прохоровкой 12 июля 1943 г.

Командовал бригадой с 20 января по 8 августа 1943 г. 47-летний полковник Моисеев Степан Федорович. В 1918 г. он вступил в Красную Армию, участвовал в боях против Польши на Западном фронте в качестве командира роты. В 1919 г. окончил курсы «Выстрел». В 30-е годы – командир стрелковой роты, начальник штаба стрелкового батальона. После окончания бронетанковых курсов усовершенствования комсостава Моисеев командовал отдельными автобронетанковыми батальонами в 170-й мотострелковой и 16-й танковой дивизиях. К началу Великой Отечественной войны он уже помощник начальника автотранспортной службы 18-го мехкорпуса. В августе – октябре 1941 г. был начальником оперативного отдела автобронетанковых войск 6-й армии Юго-Западного фронта. Командовал 10-й танковой бригадой, затем – 243-м танковым полком.

Наиболее мощным соединением была 32 тбр. На ее вооружении состояли только танки «Т-34». Бригада была сформирована в период с 5 по 25 октября 1941 г. на базе 32 тп в г. Владимире Московской области. Полк был сформирован во второй половине 30-х годов, участвовал в Освободительном походе на Западную Украину и Белоруссию. В первые месяцы войны его танкисты сражались в Молдавии (защищали Кишинев, Котовск), а затем на Украине.

28 октября 1941 г. бригада была переброшена по железной дороге в г. Тулу и передана в состав Западного фронта. С этого момента и до конца октября 1942 г. соединение вело бои в полосе 50А (район Большая Яровая, Овсянниково, Тихвинское), 10А (район г. Кирова), а также 16А (оборона на р. Жиздра). С 30 октября бригада выведена в резерв Ставки ВГК (Кубинка). К 12 марта 1943 года бригада сосредоточилась в районе х. Нижне-Митякино (Воронежская область), где и вошла в состав 29 тк. В мае 1943 г. бригада была сформирована по так называемому «гвардейскому штату». Более трети, 27 боевых машин, были из колонны «Свердловский комсомолец». Эти танки построены на средства тружеников Урала и переданы бригаде 23 февраля 1943 г. 10 машин составили 1-ю роту 1-го танкового батальона (тб), которой командовал в ту пору капитан И.Л. Светюк, а остальные ушли на пополнение других подразделений 1 и 2 тб.

Интересная деталь: как вспоминала ветеран соединения Н.Я. Вишневская, когда 32 тбр находилась на Западном фронте, на ее пополнение прибыла танковая колонна «Московский колхозник», изготовленная на средства трудовых коллекторов Наро-Фоминского, Звенигородского и Можайского районов Московской области. Однако после получения приказ о перебазировании в Воронежскую область эти машины были переданы в одну из бригад, действовавших западнее столицы. А 32 тбр после прибытия на место получила танки «Свердловского комсомольца».

С 8 января 1943 г. бригаду возглавил 40-летний полковник Алексей Алексеевич Линеv, уроженец Воронежской области. С середины 1919 года он участвовал в боях на фронтах Гражданской войны. После ее окончания проходил службу в качестве политрука учебного танкового полка в Московском военном округе, командира танковой роты, а затем батальона, начальника штаба танкового батальона в Отдельной Дальневосточной Краснознаменной армии. Здесь он познакомился и некоторое время служил вместе с командармом, а в ту пору подполковником П.А. Ротмистровым. В январе 1937 года по окончании академических курсов тактическо-технического усовершенствования при Академии моторизации и механизации РККА А.А. Линеv назначается начальником автобронетанковых войск 18-го стрелкового корпуса (ск) на Дальнем Востоке. До прибытия в 29 тк, с 26 января по 12 октября 1942 г., он занимал должность заместителя командующего Дальневосточным фронтом по автобронетанковым войскам. Судя по действиям 32 тбр 12 июля под Прохоровкой, Алексей Алексеевич был человеком решительным и целеустремленным, твердо управлявшим соединением. 26 августа 1943 г. полковник А.А. Линеv погиб в бою при освобождении Украины.

53-я мотострелковая бригада формировалась в лесу около г. Владимир на базе 353-го запасного полка в основном из личного состава частей Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. Первоначально, с 5 ноября 1942 г., она называлась 53-й механизированной бригадой (мбр). 28 февраля 1943 г. бригаду передали в состав 29 тк 5 гв. ТА, и к 16 марта 1943 г. по железной дороге она была переброшена в Ростовскую обл., а затем в район г. Острогожск Воронежской обл. Передислокация проходила комбинированным маршем – по железной дороге и на автомашинах. В условиях весенней распутицы переброска затянулась, части прибывали к новому месту с 28 марта по 14 апреля. Из-за плохой организации передислокации Военный совет 5 гв. ТА принял решение отстранить командира бригады подполковника И.С. Бресловца. Командование бригадой принял подполковник Н.П. Липичев. 2 мая 1943 г. соединение было реорганизовано по штату мотострелковой бригады и стало именоваться 53-й мотострелковой бригадой (боевой и численный состав бригады на 9 июля 1943 г. см. в табл. 5). До Прохоровского сражения ее подразделения в боях не участвовали.

Подполковник Николай Петрович Липичев родился в феврале 1907 г. в Санкт-Петербурге. Окончил десятилетку. До призыва в РККА в 1929 г. заведовал почтовым отделением в Ленинградской области. В 1937 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С начала Великой Отечественной войны и до января 1942 г. командовал мехбатальоном 40 тбр на Северном фронте, затем стрелковым полком 158 сд на Калининском фронте. В качестве командира 62 гв. мсбр 13 тк участвовал в Сталинградской битве. Был дважды тяжело ранен. В июле 1942 г. награжден орденом Красного Знамени. Последняя должность перед назначением в корпус – командир 11 гв. мехбр 5 гв. Змк.

29 тк продолжал комплектоваться до штатной численности вплоть до середины мая 1943 г. Специально для него был создан ряд новых частей и подразделений усиления и обеспечения. 25 января 1943 г. завершилось формирование 75-го мотоциклетного полка. В его состав влились бойцы и командиры 14-го отдельного запасного мотоциклетного полка, а материальная часть (мотоциклы и бронетранспортеры) поступила с завода им. Лихачева. Батальон предназначался для ведения разведки, поэтому ему предстояло стать глазами корпуса. Так, на острове Ягры в устье Северной Двины 10 февраля 1943 г. завершилось формирование 271 мп.

Он комплектовался личным составом запасных частей Архангельского военного округа, а 70 % офицеров были направлены из Пензенского артиллерийско-минометного училища. Воинам полка предстояло сыграть важную роль под Прохоровкой. Весной прибыл сформированный в Москве на базе первого отдельного запасного линейного батальона связи 363-й отдельный батальон связи.

В состав 29 тк также входили: 1446-й самоходный артиллерийский полк (сап), 271-й минометный полк, 366-й полк малой зенитной артиллерии (мза), 76-й гв. минометный полк «катюш», 38-й бронеполк, 363-й отдельный батальон связи, 75-й отдельный мотоциклетный батальон (омцб).

5-й гв. Зимовниковский мехкорпус был сформирован на основании директивы НКО от 26 ноября 1942 г. (за пять дней на базе 17 тк) и стал именоваться 6-м мехкорпусом. После участия в боях по разгрому котельниковской группировки немцев в декабре 1942 г. и освобождению г. Зимовники 9 января 1943 года соединение преобразовано в гвардейское и стало носить почетное наименование «Зимовниковский». С началом формирования 5 гв. ТА корпус в конце февраля из резерва Южного фронта был передан в ее состав и переброшен в Воронежскую область. Здесь велось его доукомплектование и подготовка к боям. Корпус состоял из 10, 11, 12-й гв. механизированных и 24-й гв. танковой бригад.

Артиллерия 5 гв. мк состояла из 285-го минометного полка майора С.С. Беленького, 409-го отдельного гв. минометного дивизиона «катюш», 1447 сап под командованием майора В.Ф. Гайдаша и 104 гв. иптап, которым командовал майор Ф.З. Бабаченко. Федор Захарович отличился в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Будучи начальником разведки артдивизиона 323-го артполка 123 сд, он успешно действовал по разведке огневых точек врага при взятии г. Выборг, за что в апреле 1940 г. представлен к званию Героя Советского Союза.

2 марта 1943 г. командиром корпуса был назначен генерал-майор танковых войск Б.М. Сковорцов. В танковые войска Борис Михайлович пришел в 1931 г., четыре года преподавал тактику в Казанской высшей школе технического состава танковых войск. В 1936 г. окончил Военную академию моторизации и механизации РККА. Будучи командиром танкового батальона 11 тбр, отличился в период военного конфликта на р. Халхин-Гол. В разгар боя был убит комбриг. Сковорцов принял командование на себя. Танкисты во взаимодействии с другими подразделениями сумели окружить и уничтожить группировку врага. За умелое руководство бригадой Сковорцов был награжден орденом Ленина. Затем командовал 61 тд. К началу Великой Отечественной войны полковник Сковорцов был уже заместителем командующего 17А по танковым войскам. Армия с августа 1941 г. входила в состав Забайкальского фронта, прикрывая границы с Китаем и Монголией. В течение февраля 1943 г. он командовал 7-м мехкорпусом, который находился на формировании в Московском военном округе. 12 мая 1946 г. скончался от тяжелой болезни.

Из «ротмистровского» 3-го гв. Котельниковского танкового корпуса пришел и начальник штаба соединения полковник И.В. Шабаров. До войны Иван Васильевич окончил Военную академию моторизации и механизации РККА, затем в течение ряда лет преподавал тактику в этом учебном заведении. В 1942 г. он был назначен и успешно командовал 87 тбр, которая входила в состав 7 тк.

10-я гв. механизированная бригада (бывшая 51 мбр) сформирована в сентябре 1942 г. в Горьковской обл. С 9 января по 6 февраля 1943 г. в составе корпуса находилась в оперативном подчинении 2 гв. А Южного фронта и вела бои на направлении Сокоревка, Калач, Котельниково. С 7 февраля по 27 марта находилась в резерве Южного фронта, а с 28 марта вошла вместе с корпусом в состав 5 гв. ТА. До 6 июля дислоцировалась в районе х. Корпенко Воронежской обл. Командовал бригадой И.Б. Михайлов.

11-я гв. механизированная бригада (бывшая 54 мбр) была сформирована в середине 1942 г. В январе 1943 г. вела бои под Ростовом, затем с 9 по 17 февраля в составе корпуса

поддерживала наступление частей 2 гв. А в направлении станицы Цимлянская. После этого была выведена в резерв, а с марта вошла в подчинение командующего 5 гв. ТА. Ее командиром был назначен бывший начальник Чкаловского танкового училища полковник Н.В. Грищенко. В командование 12-й гв. механизированной бригадой (бывшей 55 мбр) вступил Герой Советского Союза полковник Г.Я. Борисенко. Высокого звания он удостоился за успешные боевые действия против японских захватчиков на р. Халхин-Гол в августе 1939 г., в то время он командовал разведывательным батальоном 6-й легкотанковой бригады 1-й армейской группы. Командиром 24-й танковой бригады (до 13 марта 1943 г. – 52 гв. тп) был назначен подполковник В.П. Карпов. Тогда же 52 гв. тп под командованием майора И.А. Курносова из состава корпуса был передан в непосредственное подчинение командующего 5 гв. ТА и при выдвижении армии в район Прохоровки был включен в передовой отряд армии.

18-й отдельный танковый корпус (отк) был включен в состав 5 гв. ТА 5 июля 1943 г. распоряжением командующего Степным фронтом. К этому времени он имел богатый боевой путь. Его управление было сформировано в течение двух недель в Московском учебном автобронетанковом центре на основе директивы НКО СССР от 15 июня 1942 г. Первоначально в состав корпуса были включены 110, 180, 181-я танковые и 18-я мотострелковая бригады. Свое боевое крещение соединение получило в период Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции.

В конце июня 1942 г. германское командование перешло к осуществлению плана под кодовым наименованием «Блау». Его цель была разгромить войска Юго-Западного фронта и выйти к Волге, а затем и на Кавказ. 28 июня войска 6-й полевой армии нанесли два мощных удара, из района Волоконовки и Курска в направлении реки Дон, и уже к 3 июля прорвав оборону фронта на стыке 13-й и 40-й армий на всю глубину, частично уничтожив, а частично окружили дивизии 21 и 40А, вышли к Воронежу. Стремясь не допустить дальнейшего развития наступления врага советское командование начало оперативно подтягивать в район Воронежа подвижные резервы – танковые соединения. Среди них был и 18 отк. Его руководство получило от командования Воронежским фронтом задачу: не допустить полномасштабного форсирования немцами танковыми дивизиями Дона в полосе 40А и захвата Воронежа. Железнодорожные составы с войсками корпуса подошли к городу, когда в нем уже шли ожесточенные бои. *«В ночь со 2 на 3 июля первый эшелон с танками стал разгружаться на ст. Воронеж, – отмечается в документах штаба. – Непосредственно с разгрузочной площадки танки шли в боевые порядки и с ходу вступали в бой. По несколько раз в день немцы переходили в яростные контратаки на город. Сотни фашистских самолетов непрерывно бомбили утопавший в зелени красавец город. В течение трех суток танкисты соединения, под командованием первого командира корпуса генерала И.Д. Черняховского, днем и ночью отражали непрерывные атаки неприятеля».* Невероятными усилиями враг был остановлен.

За успешное выполнение трудной задачи и умелое руководство войсками комкор-18, будущий дважды Герой Советского Союза и командующий фронтом, а в ту пору генерал-майор танковых войск Иван Данилович Черняховский был назначен командующим 60А.

До конца сентября корпус продолжал вести тяжелые оборонительные бои под Воронежем. За этот период его бригады и полки понесли значительные потери, которые было невозможно восстановить за счет поступающего скудного пополнения маршевых рот. Поэтому в начале октября 18 отк выводят на комплектование и 4 октября по железной дороге направляют к Саратовской области в Татищевские танковые лагеря, на переформирование.

Но уже с 24 по 31 ноября управление соединения, 110, 170, 181 тбр и подразделения обеспечения с материальной частью перебрасываются по железной дороге в действующую армию, на Дон. 11 декабря 1942 г. корпус полностью сосредоточился в районе Нижнего Мамона (375 км северо-западнее Сталинграда), где вошли в состав Юго-Западного фронта. На тот момент в нем отсутствовала положенная по штату мотострелковая бригада. Перед отправкой под Ста-

линград его «родную» 18 мсбр вывели из его состава. Поэтому руководство фронта оперативно подчинило генералу Б.С. Бахарову 32 мсбр.

С 16 декабря 18 отк в составе 1-й гвардейской армии (1 гв. А) участвует в Среднедонской наступательной операции («Малый Сатурн»). Главная цель ее – уничтожение боковско-морозовской группировки врага и срыв попыток группы армий «Дон» (командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн), деблокировать окруженную под Сталинградом армию фельдмаршала Ф. Паулюса.

Переправившись через Дон, утром 17 декабря корпус с исходных позиций – Осетровка должен был быть введен в бой в полосе 1 гв. А. Он имел приказ наступать в направлении Миллерово, нанося удар по флангам и тылу окруженной Тормосинской группировки противника. Однако 38 гв. сд не смогла прорвать рубеж противника и не обеспечила условия для ввода соединения в прорыв. Командарм генерал В.И. Кузнецов решил прорвать оборону неприятеля силами танкового корпуса, таким образом, изначально соединению ставились не свойственные ему задачи, а учитывая, что уже была попытка сломить сопротивление немцев на этом участке, принятое решение изначально подразумевало большие потери в танках. К этому следует добавить, что, по сути, еще шло формирование 1 гв. А (второго формирования) и механизм управления и обеспечения до конца не был отлажен.

Удар был мощный, но неприятель оказывал упорное сопротивление. Ситуацию усугубляли морозы, сильная метель, проблемы с подвозом горючего и боеприпасов. 18 отк увяз в тяжелых затяжных боях, с большим трудом продвигаясь вперед. В этой ситуации командование армии решило ответственность за неудачный ввод войск в бой и, по сути, топтание на месте возложить на комкора. Генерал-майор Б.С. Бахаров был отстранен от должности, и исполнение его обязанностей возложили на начальника штаба полковника Гуценко. Это решение поддержало руководство Юго-Западного фронта, которым в ту пору командовал генерал Н.Ф. Ватутин. Конфликт был острым, комкора не только отстраняли от должности, но и арестовывали. Хотя веских оснований для этого не было. В результате оказались испорчены отношения Б.С. Бахарова и с В.И. Кузнецовым, и с Н.Ф. Ватутиным, что в значительной мере повлияло на выводы, которые были сделаны правительственной комиссией с подачи командования Воронежского фронта после Прохоровского сражения в июле 1943 г.

Совершив за двое суток в тяжелейших зимних условиях почти 140 км рыков, передовые 170 и 181 тбр овладели г. Мешков, отрезав тем самым путь на юг 8-й итальянской армии. Под ударами советских стрелковых соединений, пытаясь прорваться в направлении Миллерово, враг многочисленными, но разрозненными частями итальянской дивизии «Ровена», 9, 52-й, и 292-й немецких пехотных дивизий, захватил населенный пункт поселок Поздняково и рассек корпус на две самостоятельные боевые группы. Одна из них – в составе 110 тбр и 32 мсбр под руководством начальника штаба майора Герасименко, – используя танки, прижала противника к Поздняково. Вторая – 170 и 181 тбр под общим командованием полковника Гущина – удерживала Мешков. Неприятель предпринял отчаянные попытки отбить город. 20 декабря был нанесен сильный удар с севера. На высоте близ церкви был окружен мотострелковый батальон 181 тбр, насчитывавший в этот момент всего 64 человека. Несмотря на численное превосходство врага, оставшиеся в живых 23 воина под командованием ст. лейтенанта Фроловского сумели отразить несколько атак. Когда боеприпасы были на исходе, группа перешла в решительную контратаку и, захватив у врага 8 ручных пулеметов и боекомплект к ним, продолжила удерживать рубеж. К исходу дня танки двух бригад, поддержанные передовым отрядом 152-й стрелковой дивизии, выбили просочившиеся в город силы противника. После ожесточенного боя в центральной части и на северных окраинах осталось около четырех сотен трупов, а 3500 итальянских, румынских и немецких солдат и офицеров сдались в плен со всем вооружением.

Успешно действовала и группа Герасименко, хотя у Поздняково, на узком участке фронта, находились значительные силы отходивших на юг военнослужащих трех вражеских

армий. Используя численное превосходство, гитлеровцы предпринимали даже массированные психические атаки пехотой на позиции 32 мсбр в направлении Хлебное. *«Противник сосредоточил на малой площади до 18 000 человек с артиллерией, автотранспортом и обозами, стесненный в маневре, неся огромные потери в живой силе и технике от огня наших танков и артиллерии, были вынуждены сложить оружие. В результате 24-часового непрерывного боя немцы и итальянцы потеряли до 5000 человек убитыми и ранеными и до 11 000 сдались в плен со всей материальной частью и обозами»*³⁰. Этот успех достался дорогой ценой, в бою погиб майор Герасименко, получил ранение командир 32 мсбр майор Сердюк, обе бригады понесли заметные потери в личном составе.

К утру 22 декабря разгром группировки немцев и их союзников севернее Мешков – Хлебное был завершен. В это время с верховья реки Чир начали отходить их войска на юго-запад в направлении Миллерово. Стремясь сорвать намерение врага, командование Юго-Западного фронта отдало приказ 18 тк: заблокировать путь итальянской дивизии «Сфорциско» и двигавшимся вместе с ней частям 7-й и 9-й румынских пехотных дивизий в район Верхне-Чирской. Во второй половине дня 110 тбр вышла к станице, где уже находился противотанковый заслон противника. Применив маневр, на большой скорости в станицу ворвался танк мл. лейтенанта Г.Г. Калинина из 441 тб. Вражеские артиллеристы не смогли ничего противопоставить напору и решительности советских танкистов. Используя строения, экипаж близко подвел свою боевую машину к огненным позициям ПТО и одним ударом уничтожил 9 орудий. Продолжая продвигаться вперед, танкисты уничтожили две минометные батареи и рассеяли около роты солдат. К вечеру станица полностью была в руках бригады, замаскировав боевые машины у сараев и клунь, экипажи ожидали подход неприятеля. С наступлением сумерек в Верхне-Чирскую начали втягиваться вражеские колонны. Завязался ожесточенный бой, который продолжался всю ночь. На рассвете, осознавая безысходность своего положения, командование противника приняло решение сложить оружие. По данным штаба корпуса в плен сдалось более 3000 человек.

Ожесточенные бои корпус вел и за Миллерово. По данным разведки стало известно, что в этом населенном пункте из отступавших частей противник создал прочную систему противотанковой обороны, в том числе и с использованием бронетехники. Учитывая это, советское командование решило окружить гарнизон Миллерово двумя синхронными ударами: с северо-запада – стрелковыми соединениями и с юго-запада – силами 18 отк. Одновременно готовилось демонстрирующее наступление «в лоб» со стороны Ново-Спасского.

2 января 1943 г. войска перешли в наступление. Главные силы корпуса двинулись на Каменск. Решительным рывком 181 тбр, обойдя город с юга, выбила гитлеровцев из сел Ивановка и Греково-Станичное, перерезав железную дорогу Миллерово – Каменск. Развивая успех, на рассвете следующего дня корпус занял ряд станиц и хуторов: Верхне-Таловый, Нижне-Таловый, Старая Станица и коммуны «Завет Ленина», а стрелковые дивизии 1 гв. А занял станцию Красновка. Тем самым немецкие части, удерживавшие город, попали в мешок. Но враг не дрогнул и продолжил отчаянно защищаться. Боевые действия за город продолжались до 18 января. В этот день оборонявшимся удалось смять заслон пехотных подразделений и прорваться из кольца к Красновке. Противник явно стремился отвести находившиеся в городе войска в направлении Ворошиловграда. Командование корпуса быстро среагировало на прорыв. 110 тбр атаковала станцию и овладела ею. Часть сил, в основном танки, вышедшие из Миллерово, поспешно отошли к крупному населенному пункту и большой железнодорожной станции ст. Чеботовка.

Началась пурга, но комкор, пытаясь ошеломить немцев и выбить их ночным ударом из станции, бросил в преследование по бездорожью основные силы соединения. Но из-за сложных

³⁰ ЦАМО РФ, ф.18 тк, оп.1, д.23, л.4.

погодных условий и несогласованности действий командования бригад произошла трагедия. В установленное время к станции подошла лишь заметно потрепанная 170 тбр, а 181 тбр и 32 мсбр находились еще в пути. Комбриг полковник Дурнев, проведя разведку, решил атаковать, не ожидая подхода соседей. Расчет был сделан на неожиданность и усталость вражеских солдат, устроившихся на ночлег после тяжелого марша. И действительно, в начале боя немцы и итальянцы в панике начали отходить к южным окраинам, но затем сопротивление начало возрастать, а силы бригады неумолимо таяли. К середине ночи все танки бригады вышли из строя. Создав сильный заслон в центре села, враг, атаковав во фланг, вышел в тыл к дому, где развернулась оперативная группа штаба. Офицеры заняли круговую оборону. До середины дня 18 января 170 тбр вела тяжелые кровопролитные бои, кольцо вокруг основных очагов сопротивления сжималось. В 13.00, пытаясь прорваться из Чеботовки, оперативная группа во главе с комбригом С.А. Дурневым и комиссаром Н.Е. Лысенко предприняла отчаянную контратаку, в ходе которой практически весь командный состав соединения погиб.

Рывок к станции не был подготовлен штабом корпуса должным образом. Не провели совещания «накоротке» и командиры задействованных в наступлении бригад, как это обычно делалось. Это привело к тому, что штабы не имели между собой устойчивой связи, следовательно, не наладили полноценного обмена оперативной информацией и не знали общую ситуацию в полосе наступлений. Каждый комбриг принимал решение самостоятельно без координации своих действий с соседями. В результате, когда бригада Дурнева, истекая кровью, дралась с гитлеровцами в Чеботовке, мотострелки Сердюка стояли колоннами в полной боевой готовности перед станцией, но не вступили в бой и не оказали танкистам никакой помощи.

К вечеру 170 тбр была полностью разгромлена, из кольца удалось вырваться лишь небольшой группе разведчиков и мотострелков во главе с капитаном П.М. Левченко. По свидетельству местных жителей, после боя враг зверствовал. Немецкие солдаты добивали наших раненых бойцов на улицах и, обойдя практически все постройки, где были подвалы и могли скрываться раненые, забрасывали их гранатами. В ходе этой чудовищной акции погибло и было ранено много мирных жителей, особенно детей. В бою за Чеботовку героически сражались и бойцы, освобожденные частями корпуса из немецких лагерей военнопленных в Миллерове. Однако враг недолго удерживал станцию. Подтянув силы, корпус выбил неприятеля и перешел к его преследованию.

После разгрома гитлеровцев в Чеботовке путь на Ворошиловград был открыт. 18 отк, преодолевая мелкие заслоны, к исходу 21 января овладел станциями Кондрашево, Луганская и вышел на левый берег Северского Донца.

За успешные боевые действия на подступах к Сталинграду и освобождение города Миллерово приказом Верховного Главнокомандующего личному составу 18 отк была объявлена благодарность.

29 января 1943 г. войска Юго-Западного фронта начали Ворошиловградскую наступательную операцию. К этому времени противник на юге советско-германского фронта отступал, войсками Южного фронта были освобождены крупные города Ростов-на-Дону и Шахты. С 31 января 18 отк в составе подвижной группы этого фронта под командованием генерала М.М. Попова переходит в наступление на Красноармейск, Пролетарск, Артемовск, Мариуполь, с целью отрезать пути отхода донбасской группировки противника. К 18 февраля 6А и 1 гв. А вышли на подступы к Днепропетровску, но были остановлены упорным сопротивлением немцев. Попытка подвижной группы развить наступление на юг успеха не имела. 21 февраля немцы нанесли сильный удар свежими резервами встык Воронежского и Юго-Западного фронтов. Корпус попадает в кольцо и с ожесточенными боями отходит к Барвенково. К 23 февраля его основные силы прорываются из окружения и занимают оборону в 70 км западнее Краматорска, а через сутки вышла из кольца и 181 тбр с зенитным полком.

К началу марта 18 отк был выведен из состава подвижной группы генерала М.М. Попова и сосредоточился в районе Изюма. Более месяца соединение не выходило из боев, потеряло практически всю бронетехнику, часть тяжелого вооружения и значительную часть личного состава. Погиб ряд офицеров среднего и старшего звена соединения, в том числе два начальника штаба майор Герасименко и полковник И.А. Гущенко, командир 170 тбр полковник Дурнев.

Но в начале марта резко обострилась обстановка под Харьковом. Группа армии «Юг» настойчиво теснила войска Воронежского фронта. Поэтому 10 марта генерал Бахаров получил приказ: имеющимися силами и дополнительно подчинив себе 141 тп (4 «Т-34» и 6 «Т-70») и 870 иптап (4 орудия), выйти в район Харькова (Русские Тишки). К этому времени 170 и 181 тбр вообще не имели танков, в 32 мсбр осталось 250 человек, 3 орудия и 14 минометов. Поэтому всю бронетехнику корпуса (4 «Т-34» и 15 «Т-70») свели в одну 170-ю тбр и вместе с остатками 32 мсбр направляют своим ходом на помощь 3-й ТА генерала П.С. Рыбалко, из последних сил сдерживавшей удар 4ТА из района Краснограда. Совершив 150-километровый марш в условиях бездорожья, сводный отряд (обе бригады) 13 марта вошли в город и до завершения Харьковской оборонительной операции вели кровопролитные у Рогани и в Старого Салтова.

С 23 марта части корпуса выводятся в резерв фронта в район Россоси, где вплоть до начала июля корпус пополнялся и занимался подготовкой личного состава. В это время в состав соединения входили три танковые (170, 181, 110) и мотострелковая бригады. Численность и боевой состав 18 тк на 5 июля показаны в табл. 6.

170 тбр начала формироваться 15 февраля 1942 г. в г. Москве в парке Сокольники как «отдельная танковая бригада». Личный состав поступал в основном из Казанской танковой школы и Гороховецких танковых лагерей. Бригада имела смешанный состав, на комплектование двух ее батальонов поступили три типа бронетехники: советские «тридцатьчетверки», а также английские «матильды» и «валентайны». А в качестве автотранспорта и тягачей для орудий прибыли американские грузовики «Студебекер» и «Форд». 23 апреля комбриг подполковник М.И. Рудой получил приказ: к исходу 24 апреля произвести погрузку на ст. Рижская и отбыть в распоряжение командования Брянского фронта. 26 апреля личный состав уже приступил к выгрузке эшелонов на трех железнодорожных станциях: Горшечное, Косторное и Старый Оскол, а через двое суток бригада сосредоточилась в заросших балках в 12 км севернее г. Старый Оскол, где вошла в резерв фронта. После начала летнего наступления противника на воронежском направлении бригада с 30 июня 1942 г. вела тяжелые бои в районе г. Обояни, г. Старого Оскола и ст. Касторное. Огнем с места и короткими контратаками сдерживала противника, помогая выводить стрелковые соединения 40 и 21А из окружения за Дон. Затем до октября (до момента включения в состав 18 отк) участвовала в обороне Воронежа.

По воспоминаниям ветеранов, в корпусе бригада считалась невезучей. За первые четыре месяца боев с момента формирования в соединении сменилось полностью два комплекта командного состава во главе с комбригами. Затем последовал разгром в Чеботовке. Не менее тяжелые потери понесла она и в Прохоровском сражении.

К началу боев на Курской дуге соединением командовал 47-летний подполковник В.Д. Тарасов. Василий Дмитриевич – участник Гражданской войны, был ранен в боях на Южном фронте против войск генерала Деникина (1919).

В межвоенный период окончил Рязанскую пехотную школу (1921), курсы усовершенствования командного состава (1929–1930), а также Ленинградские автобронетанковые курсы (1932). С 1921 по 1930 г. командовал взводом, ротой, был курсовым командиром в Рязанской, Иваново-Вознесенской и Нижегородской пехотных школах. Затем почти четыре года Тарасов был начальником штаба батальона в Горьковской автобронетанковой школе, командовал батальоном 22-й мехбригады. В должности начальника автобронетанковой службы 95-й стрелковой дивизии участвовал в советско-финляндской войне 1939/40 г. За мужество, проявленное

в боях, награжден орденом Красной Звезды. В феврале 1940 г. его переводят в отдел специальных заданий Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА.

Когда началась Великая Отечественная война, он находился в распоряжении Военного совета округа, затем исполнял должность заместителя командира 205 тбр. В действующей армии с 1942 г., 22 июля назначен командиром 255 тбр Западного фронта. В 18 отк подполковник В.Д. Тарасов прибыл 8 мая 1943 г. с должности заместителя командира 187 тбр 9-го танкового корпуса. В бою под Прохоровкой 12 июля 1943 г. комбриг погибнет от прямого попадания вражеского снаряда в его танк.

181 тбр формировалась в Саратове с 19 июня 1942 г. 4 июля в районе Воронежа вошла в состав 18 отк. Через три дня перешла вместе с корпусом в подчинение Воронежского фронта и участвовала в Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции. 21 сентября бригада была передана в подчинение командира подвижной группы 38-й армии, действовавшей на правом берегу р. Дон. Затем вместе с корпусом участвовала в тяжелых боях по уничтожению группировки, прорывавшейся на помощь окруженной в Сталинграде немецкой 6А. С конца марта 1943 г. бригада находилась в районе Россоши Воронежской обл.

21 января 1943 г. исполняющим обязанности командира бригады назначили подполковника В.А. Пузырева. Он был одним из самых молодых комбригов в 5 гв. ТА. Его жизнь и служба связаны с Сибирью. Родился Вячеслав Алексеевич в Новосибирске в 1911 г. Окончив в 1929 г. семилетку, служил в 50-й учебной танковой дивизии Забайкальского военного округа. После демобилизации окончил школу ФЗО, стал работать в железнодорожном депо Новосибирска. 5 июля 1932 г. по партийной мобилизации призван в РККА и направлен в двухгодичную Ульяновскую бронетанковую школу. В 1934 г. возвратился в Забайкальский военный округ – был командиром танка, танкового взвода, роты, помощником начальника штаба батальона. После окончания первого курса Военной Академии им. М.В. Фрунзе (заочно) в 1940 г. назначен помощником начальника оперативного отдела 50-й легкотанковой бригады. Перед самой войной, в апреле 1940 г., на такую же должность переведен в 57 тд, которая дислоцировалась в Монголии. Через две недели после начала Великой Отечественной войны в составе этого же соединения капитан Пузырев прибыл на Западный фронт.

За шесть месяцев Вячеславу Алексеевичу предстояло сменить три совершенно разные должности – от штабной до командной, причем в разных местах огромного советско-германского фронта. В сентябре 1941 г. он получил направление в штаб 112-й мотострелковой дивизии, которая сражалась на Западном фронте, но уже через месяц оказался в резерве отдела кадров Брянского фронта, а в декабре его направили на Воронежский фронт – заместителем командира батальона противотанковых ружей. Кстати, в это время 40А, в состав которой входил его батальон, занимала оборону под той самой Прохоровкой, где через полтора года – 12 июля 1943 г. – уже подполковнику В.А. Пузыреву предстояло вести свою 181 тбр в контрудар против корпуса СС.

В 18 отк он прибыл в июле 1942 г., когда тот находился под Воронежем. В это время корпус, войдя в состав Воронежского фронта, вместе с частями 40А вел бои по освобождению захваченной врагом части города. С середины июля Вячеслав Алексеевич становится заместителем командира, а с конца августа и до конца года – начальником штаба 170 тбр. В ноябре Вячеслав Алексеевич был легко ранен. 21 января 1943 г. он назначен исполняющим обязанности комбрига 181 тбр, а 24 июня утвержден в должности. За умелое управление соединением и личное мужество в мае 1943 г. подполковник Пузырев награжден орденом Красного Знамени.

В декабре 1943 г. он был направлен на краткосрочные курсы при Академии моторизации и механизации РККА, после их окончания с августа 1944-го и до конца войны командовал 24 гв. тбр.

Кроме перечисленных танковых бригад, в состав 18 отк в период Прохоровского сражения входила 110 тбр. Информации о ее формировании и боевом пути до лета 1943 г. собрать

не удалось. Известно лишь, что со 2 апреля 1943 г. этим соединением командовал полковник И.М. Колесников. Иван Михайлович родился 15 января 1905 г. в г. Ахтырка Сумской обл. До призыва в РККА в 1920 г. сумел окончить лишь два класса начального училища. После окончания в 1922 г. 6-й Харьковской пехотной школы командовал взводом, ротой, батальоном, был начальником штаба полка. Два года (1932–1934) Иван Михайлович преподавал тактику в Ульяновской бронетанковой школе. В 1935–1939 гг. служил начальником штаба, командиром танкового батальона, помощником начальника штаба 4-й отдельной танковой бригады в Белорусском военном округе. Перед войной окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 19 июля 1941 г. Колесников служил в штабе 32А начальником отдела горюче-смазочных материалов (ГСМ). В начале октября 1941 г. назначен начальником штаба, а с мая 1942 г. – заместителем командира 2-й отдельной гвардейской танковой бригады Западного фронта, 26 июля 1942 г. – командиром 186 тбр того же фронта. В феврале 1943 г. полковник Колесников был переведен на Юго-Западный фронт и назначен начальником штаба 18 отк.

32-я мотострелковая бригада формировалась с 5 мая по 24 июня 1942 г. в Приволжском военном округе в г. Вольск Саратовской обл. Она комплектовалась как самостоятельная боевая единица, поэтому в состав более крупного соединения вошла уже в действующей армии. В конце июня бригада была переброшена на Сталинградский фронт в район г. Калач, где вошла в состав 28 тк. До начала августа вела тяжелые оборонительные бои в составе корпуса, а затем 8 августа была переподчинена командующему 64А. Действовала в районе хуторов Нижний, Верхний Гниловской, Вертячий, в ожесточенных боях понесла серьезные потери в личном составе, поэтому 28 августа бригада по железной дороге была переброшена в Саратов – для доукомплектования и отдыха.

В период Прохоровского сражения 32 мсбр командовал полковник М.Е. Хватов, назначенный на эту должность еще в ноябре 1942 г. Однако в начале 1943 г. он был тяжело ранен. Обязанности комбрига с 10 февраля по 28 июня 1943 года исполнял его заместитель подполковник И.А. Стуков. Из-за допущенной ошибки (28 **июня** стало 28 **июля**) во всех отчетных документах, касающихся периода боев под Прохоровкой, Хватов комбригом не числился. Восстановить истину удалось по оперативным документам бригады, которых тоже осталось мало.

Судьба этого человека весьма непростая и насыщена событиями и крутыми поворотами. Михаил Емельянович родился в Волгоградской обл. 5 декабря 1896 г. Окончил 4 класса сельской школы, трудился плотником. Затем был призван на службу в царскую армию рядовым. В 1915–1916 гг. унтер-офицером участвовал в Первой мировой войне. С 1918 г. на стороне Советской власти сражался на полях Гражданской войны. В 20-е гг. прошел путь от командира взвода до помощника командира батальона. В 1931 г. был уволен из рядов Красной Армии, работал военруком в техникуме. В 1936 г. вновь призван из запаса. Более года капитан Хватов воевал в Испании. После возвращения из командировки в сентябре 1938 г. его назначили командиром стрелкового полка 72 сд (г. Винница). Здесь его и застало начало Великой Отечественной войны. Трижды (в 1938–1940 гг.) награжден орденом Красного Знамени.

С первых дней войны Михаил Емельянович участвовал в боях, был ранен. В августе 1941 г. при выходе из окружения в полосе Юго-Западного фронта попал в плен, но через неделю бежал. В сентябре – декабре 1941 г. вновь был назначен командиром стрелкового полка 295 сд 21А. Особенно тяжелым оказался для Хватова второй год войны. В начале 1942 г. он продолжал командовать полком, через некоторое время стал заместителем командира 199 сд Сталинградского фронта, а затем переводится на самостоятельную должность – командиром мотострелковой бригады. Дважды за это время был ранен (всего за войну получил три ранения).

Воевал Михаил Ефимович успешно. Начал войну в звании майора командиром полка, а закончил генерал-майором в должности заместителя командира стрелкового корпуса. Был награжден рядом высоких государственных наград – орденами Ленина, Богдана Хмельницкого, Александра Невского. Достоин сражался он и на Курской дуге, в Прохоровском сражении 32

мсбр находилась в эпицентре боев, при этом комбриг уверенно и умело командовал соединением.

В состав 18 отк 32 мсбр вошла 1 декабря 1942 г. в районе с. Нижний Мамон после его прибытия с переформирования, а уже в середине месяца, 15 декабря, была подчинена как и другие его бригады, 1 гв. А Юго-Западного фронта. Участвовала в операции «Малый Сатурн», цель которой – разгром войск группы армий «Дон», стремившихся деблокировать окруженную группировку Паулюса, освобождала г. Миллерово. Затем, в конце января 1943 г., в течение недели она находилась в резерве Юго-Западного фронта. С 30 января 18 отк (вместе с 32 мсбр) вошел в состав подвижной группы Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора М.М. Попова. Это оперативное объединение стало ударной силой при проведении операции «Скачок» на Украине (в Донбассе). К сожалению, тогда советское командование недооценило противника, переоценив свои возможности, в результате операция окончилась неудачно. С 10 по 23 марта бригада в составе корпуса совместно с частями 3ТА вела тяжелые, кровопролитные бои под Харьковом, а с 23 марта вместе с войсками корпуса была выведена в резерв Степного военного округа в район г. Россошь, где и находилась до 7 июля 1943 г.

С осени 1942 г. 18 отк командовал полковник (с 14.10.42 г. – генерал-майор) Б.С. Бахаров. Борис Сергеевич был родом из пос. Демянск Новгородской обл. В Красной Армии – с 1918 г., но в Гражданской войне не участвовал. В 1926 г. окончил Объединенную интернациональную военную школу, в 1932 г. – Военную академию им. М.В. Фрунзе, затем Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. После академии Бахаров продолжил службу в Белорусском военном округе начальником оперативного отдела штаба 4-й мотобригады. С мая 1936 г. по октябрь 1938 г. командовал учебными батальонами в 10-й и в 18-й механизированной бригадах.

Вихри политического террора, пронесшиеся в нашей стране в середине 30-х гг., не обошли 33-летнего комбата. В 1937 г. ему был объявлен выговор «за притупление партийной бдительности».

Несмотря на это, из-за нехватки командиров старшего и среднего звена, возникшей в результате репрессий в Красной Армии, Бахаров в конце 1938 г. был назначен на должность, требующую значительно большего опыта и знаний, чем имел командир батальона, – исполнять дела начальника автобронетанковых войск Харьковского военного округа. Тем не менее Борис Сергеевич успешно справился с новыми обязанностями, проявив недюжинные организаторские способности. Через год, 29 ноября 1939 г., он назначается на должность командира 52-й отдельной легкотанковой бригады, а в мае 1941 года становится командиром 50-й танковой дивизии (тд) 25-го механизированного корпуса. С первых дней войны его дивизия в составе 13 и 21А Юго-Западного фронта принимала участие в тяжелых боях оборонительных боях на Днепре и Соже. В этот момент опыта для управления столь крупным соединением в боевых условиях Борис Сергеевич еще не имел, что стало одной из главных причин не совсем удачных действий дивизии и высоких потерь в первые месяцы Великой Отечественной войны. *«Тов. Бахаров боевыми действиями руководит неумело, – писал в аттестации начальник штаба 21А генерал-майор В.Н. Гордов 18 августа 1941 г. – Действует отдельными танками, в результате чего дивизия несет большие потери материальной части, не имея должного успеха. Лично тов. Бахаров – храбр. В бою в Вовке показал пример, своим танком ринулся на обнаруженную колонну, уничтожил 12 машин, 7 пулеметов, 1 противотанковую пушку. После того его танк был подбит противником. Тов. Бахаров под огнем автоматчиков противника перелез на другой танк и продолжил уничтожать противника».*

Но были и успехи. В начале августа 1941 г., дивизия успешно сражалась на Центральном фронте при прорыве из окружения группы под командованием генерал-майора Э.Я. Магона в районе г. Милославичи и р. Ложбянка, основу которой составляли части 45 ск 13А.

В сентябре 50 тд была переформирована в 150 тбр и направлена в составе оперативной группы генерал-майора А.И. Ермакова Брянского фронта, где осенью 1941 г. отличилась в боях против войск Гудериана. Танкисты Б.С. Бахарова успешно действовала и в ходе Елецкой наступательной операции в начале декабря 1941 г. Находясь в северной группе 13А, первыми ворвались в г. Елец.

Тем не менее при формировании танковых корпусов «первой волны» он не был выдвинут на должность командира соединения. Вероятно, в первую очередь на это повлияли его не совсем удачные действия в ходе приграничных сражений. Тем не менее боевой опыт был учтен, и 20 июня 1942 г. Борис Сергеевич назначается начальником штаба 17 тк, а 25 июля переводится на равнозначную должность в 18 тк Воронежского фронта. В это время корпус использовался для нанесения контрударов по наступающему противнику в основном в полосе 60А. А 7 сентября 1942 г. он принимает командование этим соединением.

В феврале – марте 1943 г. 18 тк в составе Юго-Западного фронта принимал активное участие в боях в Донбассе. Для генерала Б.С. Бахарова этот период оказался очень тяжелым. Корпус в начале марта вышел из состава подвижной группы генерала М.М. Попова, бригады имели от 40 до 80 % потерь в личном составе и материальной части. 9 марта немцы танковыми и моторизованными соединениями нанесли сильный удар встык Воронежского и Юго-Западного фронтов и, прорвав оборону, вышли в район Люботин, Пересечное, стремясь обойти Харьков с севера. 10 марта был получен приказ командующего Юго-Западным фронтом генерала Н.Ф. Ватутина: 18 тк из района Изюма должен совершить 150-км марш и, выйдя на восточные окраины Харькова, перейти в подчинение командующего Воронежским фронтом. Комкор свел остатки корпуса в 170 тбр (четыре «Т-34» и пятнадцать «Т-70»), слил горючее с оставшейся техники и, согласно приказу, направил бригаду. Сам со штабом и оставшимися частями прибыл в Великий Бурлук. 170 тбр горючего на весь марш не хватило, и в Чугуеве она остановилась. В течение двух дней командир бригады получил подряд несколько приказов из штабов Юго-Западного, Воронежского фронтов и от руководителя обороны Харькова. Выполнив их, бригада, не вступив в бой и совершив 80-километровый марш к Харькову, вернулась в Чугуев. В это время командир корпуса на «Виллисе» выехал вслед за ней, но, попав под обстрел, вынужден был вернуться.

Таким образом, в условиях быстро меняющейся обстановки и отсутствия резервов, когда под ударами противника наши ослабленные части начали беспорядочный отход, Б.С. Бахаров оказался между «молотом и наковальней» – между штабами двух фронтов, которые, используя истрепанный танковый корпус, стремились решить свои сиюминутные задачи. В результате 25 марта 1943 г. Н.Ф. Ватутин и член Военного совета генерал-лейтенант А.С. Желтов направили Сталину следующую докладную: *«Командир 18-го танкового корпуса генерал-майор танковых войск Бахаров за время проведения операции на Юго-Западном фронте показал себя не способным командовать корпусом. Стремится увильнуть от боя, а в процессе его преждевременно выйти из него. Лично не обладает элементами мужества, храбрости и необходимой силы воли. Склонен к обману и очковтирательству. Далеко не обладает честностью. Большой демагог.*

В период декабрьской операции отстранялся от должности и был арестован. В январских и последующих боях тов. Бахарову была представлена возможность исправиться – был допущен к командованию корпусом. Однако из этого выводов не сделал, недочетов не исправил. При обороне г. Харькова получил задачу вторгнуться с корпусом форсированным маршем через Чугуев на Харьков. Направил бригаду через Чугуев, а сам со штабом корпуса пошел через Великий Бурлук, уклонился лично от боя и несколько суток корпусом не управлял. Звание генерала не оправдал. Корпусом командовать может. Прошу Вас разрешить:

- а) отстранить от занимаемой должности генерал-майора Бахарова;*
- б) назначить генерал-майора Бахарова на должность командира бригады фронта».*

Руководство фронта с таким предложением явно поторопилось. Предъявленные обвинения – отголосок конфликта, возникшего еще в январе, и в Москве после недолгого разбирательства это поняли. Верховный Главнокомандующий решил, что не стоит разбрасываться командными кадрами, которых и так не хватало, и Бахаров остался в прежней должности. Можно представить, скольких душевных сил стоила эта история комкору, но на этом для него неприятности не закончились.

До начала июля 1943 г. 18 отк находился в Степном округе, а 6 июля был подчинен командующему 5-й гв. танковой армией генерал-лейтенанту П.А. Ротмистрову и передан вместе с армией в состав Воронежского фронта, которым в этот момент командовал генерал армии Н.Ф. Ватутин. Ситуация начала вновь накаляться. Как свидетельствуют документы, на марше, а затем и в ходе Прохоровского сражения корпус действовал не хуже других соединений армии. Его потери в ходе контрудара были меньше, чем, к примеру, у соседнего 29 тк, а продвинулся он заметно дальше. Но, вероятно, прошлое догнало генерала. Сразу же после окончания оборонительной фазы Курской битвы он все-таки был смещен с должности, но об этом разговор впереди.

Рассказ об этом эпизоде из жизни комкора получился несколько пространственным, но это сделано лишь для того, чтобы показать, сколь прихотливы бывают повороты в судьбах людей и как в то тяжелое время много значили субъективные оценки и непредвиденные обстоятельства. Подобных случаев, когда ломались судьбы не только командиров корпусов, но и командармов, а то и командующих фронтами, было немало.

Артиллерийские части 5-й гв. танковой армии. В своем составе армия имела всего два артиллерийских полка: 678-й гаубичный и 689-й истребительно-противотанковый. Кроме того, каждый из трех корпусов имел по одному истребительно-противотанковому (двадцать 45-мм и 76-мм пушек), минометному, самоходно-артиллерийскому полку смешанного состава, по двадцать одной самоходно-артиллерийской установке «СУ-76М» и «СУ-122» (в 18 отк – полк танков «Мк-4» «Черчилль» с 57-мм орудиями), а также по одному гвардейскому минометному дивизиону «катюш» (восемь установок «БМ-13»). Во время наступления реактивные дивизионы вместе с армейским 76-м гв. минометным полком РС обычно сводились в одну группу – для нанесения более мощных ударов по целям.

Для ведения навесного огня по укреплениям противника, уничтожения резервов в глубине обороны и контрбатарейной борьбы этого количества артиллерии явно не хватало, особенно гаубичной. Расчет на то, что при вводе в сражение фронт обеспечит армию необходимыми частями усиления, не оправдался в первой же операции – в боях под Прохоровкой. Не все выделенные артиллерийские полки успели прибыть к началу наступления, а истребительно-противотанковую бригаду командование фронта было вынуждено перенацелить на другой участок.

Недостаточно были продуманы организация и материальное обеспечение управления артиллерией армии. Штаб командующего артиллерией не имел необходимых средств связи с артиллерийскими частями армии и корпусов, не было в штате и батареи управления. За штабом был закреплен лишь один автомобиль – грузовая «полупторка».

Заметно ограничена была армия и в средствах **противовоздушной обороны**. Каждый корпус располагал одним зенитно-артиллерийским полком (по шестнадцать 37-мм зенитных пушек, шестнадцать 12-мм и 17-мм зенитных пулеметов ДШК). Такой полк мог надежно прикрыть лишь управление корпуса. Кроме того, армия усиливалась 6-й зенитно-артиллерийской дивизией под командованием полковника Г.П. Межинского. Соединение имело на вооружении 64 пулемета ДШК-39 и 64 зенитных орудия, в том числе шестнадцать 85-мм пушек, и могло прикрыть войска на площади 63 кв. км (9 км по фронту и 7 км в глубину) при плотности 1,5 орудия на километр. *«С учетом зенитно-артиллерийских полков корпусов, – писал А.И. Радзиевский, – это обеспечивало прикрытие главной группировки войск вне движения. С началом же*

наступления, а также при перегруппировках эффективность зенитно-артиллерийского прикрытия резко снижалась вследствие недостаточной проходимости колесных машин зенитной артиллерии. Поэтому основные задачи по противовоздушной обороне танковых армий, особенно в ходе боевых действий, выполняла истребительная авиация. Количество выделяемых для этой цели истребительных авиационных соединений постоянно увеличивалось»³¹.

При подготовке к контрудару 12 июля 1943 г. 5 гв. ТА получила еще и 26-ю зенитно-артиллерийскую дивизию (зенад), так как армия к тому времени увеличилась в полтора раза, получив в оперативное подчинение еще два танковых корпуса. Несмотря на это, надежно прикрыть войска с воздуха зенитным огнем не удалось. Зенитчики, как и все артиллеристы армии, испытывали большие трудности в обеспечении автотранспортом.

Из «Отчета о боевых действиях артиллерии 5 гв. ТА в ходе Прохоровского сражения 12.07.43–25.07.43», который был подготовлен начальником штаба артиллерии армии полковником Коляскиным: «Опыт боевых действий показал большую маневренность танковых и мотомехчастей в наступлении, что создавало большие трудности для зенитной артиллерии и обеспечения ПВО войск при наличии недостаточного количества и плохого автотранспорта и тягачей в частях дивизии (так в оригинале. – З. В.). Как правило, батареи зенитной артиллерии перебрасывались в два приема. «ЗИС-42» оказался малоприменимым тягачом для 85-мм зенитных орудий в силу своей малой скорости – 6–8 км/час, низкой проходимости по пересеченной местности, а в дождливую погоду – маловыносливым. Целесообразно было части дивизии, действующие совместно с танковыми соединениями, обеспечить автотранспортом типа «Студебекер»³².

К сожалению, это не единственная проблема, с которой сталкивались артиллеристы армии. Обратимся вновь к «Отчету», в котором наиболее подробно и объективно оценивается как общее состояние артиллерийских частей армии, так и опыт их применения в Прохоровском сражении:

«Офицерский состав артиллерии в большей своей массе начал службу в танковой армии впервые, по возрастному составу и должностному признаку был молодым, правила стрельбы знал нетвердо, особые виды стрельбы – плохо, материальную часть, боеприпасы и приборы – недостаточно и в силу своей молодости обладал небольшим опытом в организационных вопросах. Весь командный и личный состав артиллерии был полностью пропущен через артиллерийские стрельбы. На подготовку артиллерии, в особенности отработку ее маневренности и взаимодействия с другими родами войск, влияло: лимиты отпускаемого горючего, большой процент консервации транспорта, полная консервация танков. Автотранспорт являлся наиболее узким местом в боеготовности частей. Хуже всего были обеспечены автотранспортом и тягой 271-й и 285-й минометные полки, 6-я зенитно-артиллерийская дивизия и 1446-й самоходный артполк. Это снижало боеготовность, а отсутствие тягачей-вездеходов еще больше сковывало маневренность артиллерии (6 зенад) танковой армии. Отсутствие достаточного лимита горючего не давало возможности более полно отработать взаимодействие артиллерии с танками и мотопехотой, затрудняло подготовку и тренировку командного состава для несения службы на подвижных НП и управления огнем из радиальных танков. Штабы всех степеней в силу отсутствия штатных средств управления не были проверены в управлении артиллерией в процессе боя, а отсутствие самих штатных средств утяжеляло всю работу по сколачиванию частей, что серьезно повлияло на результаты первых боев»³³.

Отдельная проблема – подготовка и обучение личного состава частей **самоходной артиллерии**. Этот род войск был новым для РККА. Первые САУ поступили на вооружение в

³¹ Радзиевский А.И. Танковый удар. М.: Воениздат, 1974. С. 28.

³² ЦАМО РФ, ф. 332, оп. 4948, д. 1.

³³ ЦАМО РФ, ф. 332, оп. 4948, д. 1.

январе 1943 г. Опыта их применения на фронте не было, значит, отсутствовал подготовленный и «обстрелянный» личный состав. Комплектование шло в основном за счет танковых и артиллерийских частей. Но управление танком заметно отличается от вождения самоходки. САУ не имела вращающейся башни, ее орудие располагалось в неподвижной закрытой («СУ-122», «СУ-152») или открытой («СУ-76») рубке, поэтому вести огонь по горизонтали было возможно лишь в том направлении, в каком развернут корпус машины. Эта особенность создавала дополнительные трудности механику-водителю, ему необходимо было не только выбирать оптимальный путь движения, следить за управлением машиной, но и подстраивать ее движение под наводчика. САУ обычно наступали за передовой линией танков, на расстоянии 400 м от них, с задачей уничтожать обнаруженные средства противотанковой обороны врага.

Механики-водители танков были обучены по-другому. Успешные действия наших танков во многом зависели от высокой скорости и умелого маневра. Поэтому технику вождения танка они отрабатывали до автоматизма (от этого зависела их жизнь), а перестроить психологию водителя от рывка к методичному «плетению в хвосте атакующих» было непросто. Как потом показал первый опыт боев под Прохоровкой, экипажи САУ часто вырывались вперед, подставляя недостаточно бронированные машины под огонь противотанковых средств врага, – в результате огромные потери.

«Все полки прошли длительную выучку в составе корпусов, – писал полковник Коляскин. – Были проведены совместные с танками тактические выходы, боевые стрельбы и связи с недостатком горючего были ограничены числом. В общем, полки были достаточно слаженны, за исключением водительского состава, подготовка которого была малоудовлетворительна»³⁴.

Такая проблема возникла не только в 5 гв. ТА. Вот что говорилось в письме заместителя командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-лейтенанта В.Т. Вольского № 1130714с, направленном командованию Воронежского фронта:

«Из опыта проведенных действий на фронтах выяснилось, что значительное число самоходных орудий «СУ-76», входящих в состав самоходных артиллерийских полков, часто выходят из строя по техническим неисправностям не только в ходе боевых действий, но даже и в период сосредоточения частей перед боем. Основной причиной такого положения является: плохое освоение механиками-водителями особенностей вождения «СУ-76» и нетвердое знание ими материальной части самоходной установки. Для устранения указанных недочетов приказываю:

- 1. Немедленно провести проверку всех механиков-водителей «СУ-76» на знание материальной части самоходных установок и особенностей практического вождения.*
- 2. Слабых механиков-водителей немедленно заменить... на практическое вождение отвести 10 часов...об исполнении донести к 15.07.43 г.»³⁵.*

Положение с самоходной артиллерией у немцев было несколько иное. Первые САУ в вермахте появились еще до нападения на Советский Союз. Столкнувшись с новыми образцами бронетехники нашей армии, немцы с конца сентября 1941 г. начали проводить модернизацию своих танков и штурмовых орудий (САУ). В 1942–1943 гг. они значительно увеличили выпуск самоходок и повысили их качество, серьезно усилив вооружение: калибр орудий составлял от 75 до 150 мм. Как правило, штурмовые орудия использовались в составе истребительно-противотанковых дивизионов, артиллерийских частей танковых, моторизованных и пехотных дивизий. Большое число мобильных и мощных орудий серьезно усиливало противотанковую оборону врага.

³⁴ ЦАМО РФ, ф. 5 гв. ТА, оп. 4978, д. 1, л. 20.

³⁵ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2851, д. 22, л. 104.

Несмотря на возражения отдельных генералов, по приказу Гитлера число самоходок и их модификаций в вермахте продолжало расти. Правда, в связи с разнообразием видов и модификаций орудий возникли проблемы с запасными частями для ремонта, но это серьезно не повлияло на их использование, по крайней мере летом 1943 г. К началу операции «Цитадель» в германской армии была неплохо отработана тактика применения САУ, подготовлен личный состав, особенно в полевых частях СС. В такой ситуации советским танкистам пришлось очень непросто.

Для **ведения разведки** танковая армия располагала мотоциклетным полком. В составе корпусов и бригад для этого имелись разведывательные батальоны (бронеавтobatальоны) и роты соответственно. Они могли решать задачи по разведке противника на глубину до 30 км в полосе наступления армии. Ограниченные возможности штатных радиостанций не позволяли углубляться на большее расстояние.

Серьезной проблемой была дальняя разведка – на глубину до 300 км. Ее вела фронтовая авиация по заявке штаба армии. Поэтому при вводе армии в сражение данными о противнике ее должен был обеспечивать штаб фронта. Но по ряду причин информация не всегда поступала необходимого качества и в должном объеме. Так, в период Прохоровского сражения для этих целей командарму пришлось использовать самолеты «По-2» 994-го армейского авиационного полка ночных бомбардировщиков. Однако эти тихоходные машины не были приспособлены для ведения разведки в дневное время – их быстро сбивали.

Связь в армии обеспечивали 4-й отдельный полк связи и две кабельно-шестовые роты. К тому же каждый корпус имел и отдельный батальон и авиазвено связи. При нахождении армии в резерве широко использовались проводная связь и связь подвижными средствами, но при вводе в сражение резко возросла роль радиосвязи. При этом штатная численность полков связи явно не соответствовала потребностям боя. Всего танковая армия имела около 800 радиостанций, включая танковые. Армейское звено управления располагало всего 26–27 радиоприемниками и одной радиостанцией типа «Север», 3–4 радиостанцией РАФ, 16 – РСБ; корпуса имели по 7–8 радиоприемников и радиостанций, в том числе РАФ (1–2) и РСБ (4). Ощущалась острая нехватка радиосредств с большой дальностью приема и передачи. Вплоть до 1944 г. в войска поступали лишь один-два типа мощных радиостанций с уверенной дальностью приема и передачи более 50 км.

Особенно сложное положение со средствами радиосвязи было в бригадах. Для управления частями и связи с корпусом ее штаб имел всего две маломощные радиостанции (типа 12 РП) с дальностью действия до 8 км. В боевых условиях они обычно выходили из строя в начале боя от артиллерийского огня и авиабомб, поэтому комбриги для обеспечения устойчивого управления вынуждены были выводить в свое распоряжение из передовых частей линейные радионные танки (как правило, это были «Т-34» или «КВ»), ослабляя тем самым батальоны.

Радиостанции РБ, которыми были укомплектованы разведподразделения корпусов, обеспечивали связь лишь на расстоянии до 20 км, при этом не работая при движении. Кроме того, надо отметить, что большинство линейных танков «Т-34», не говоря о легких «Т-70», не были оборудованы радиостанциями вообще, лишь некоторые из них имели радиоприемники.

Высокая динамика танковых боев, большое число острых ситуаций, боевая подготовленность противника потребовали увеличения скорости сбора, обработки и передачи информации войскам, прохождения приказов и распоряжений. Недостаток и низкое качество средств связи, а также ограниченное число офицеров, связанных с этой работой, – все это отрицательно сказывалось на работе управленческих звеньев, штаты которых не были проверены практикой. Существовал большой перекоп в численности офицеров, работающих непосредственно «на бой» и в подразделениях обеспечения – конечно, в пользу последних.

Остро стояла проблема подготовки командных кадров. *«Во второй половине марта армия была передислоцирована в район Острогожска, где начала готовиться к боевым действиям,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.